ПИСЬМА

ИЗЪ

МАЛОРОССІИ,

ПИСАННЫЯ

Алексѣемъ Левшинымъ.

ХАРЬКОВЪ,
въ Университетской Типографіи,
1816 года.

Учрежденный при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харьковскомъ Университетѣ Цензурный Комитетъ, основываясь на донесенїи читавшаго сїе сочиненїе Адюнкта Дмитрїя Борзенкова, печатать оное дозволяетъ съ тѣмъ, что бы по напечатанїи, до выпуска въ Публику, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ для Цензурнаго Комитета, два для Департамента Министерства Просвѣщенїя, два для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной Библїотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академїи Наукъ. Августа 16 дня, 1816 года.

Деканъ Гавріилъ Успенскїй.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Древняя Исторїя Россїйская давно возбуждала во мнѣ желанїе видѣть Малороссїю, знаменитую многими великими произшествїями. Россїянину, думалъ я, не простительно не быть въ Кїевѣ, не взглянуть на Полтаву, — и спѣшилъ осмотрѣть памятники славы предковъ нашихъ.

Все, что видѣлъ, что чувствовалъ, о чемъ размышлялъ въ путешествїи моемъ, сообщалъ я одному или нѣсколькимъ изъ родственниковъ, друзей и знакомыхъ.

Письма мои заслужили одобренїе почтенныхъ ученыхъ людей. Они нашли въ нихъ кое — что любопытное и совѣтовали издать въ свѣтъ. Ободренный лестными отзывами, я рѣшился ихъ напечатать.

Смѣю надѣяться, что благосклонные читатели простятъ мнѣ вкравшіяся типографическія ошибки и отличатъ оныя отъ моихъ.

ПОЧТЕННѢЙШИМЪ

И

ДРАЖАЙШИМЪ

РОДИТЕЛЯМЪ.

ПИСЬМО I.

Малороссія.

Вотъ колыбель отечества нашего! Вотъ земля, которая была поприщемъ громкихъ подвиговъ древнихъ предковъ нашихъ! Вотъ страна, въ которой Россія приняла видъ благоустроенной державы, озарилась лучами Христіянства, прославилась мужествомъ сыновъ своихъ, освѣтилась зарею просвѣщенія и начала быстрый полетъ свой, вознесшій ее на высочайшую степень славы и величія.

Возобновляю въ памяти моей знаменитыя дѣла побѣдоносныхъ Славянъ, вслушиваюсь въ отголоски

ихъ славы и спѣшу видѣть тѣ мѣста, которыя были свидѣтелями величія ихъ.

Съ сею цѣлію ѣду я въ Малороссію. Опишу вамъ все, что увижу въ ней достойнаго вниманія; сообщу вамъ всѣ чувствованія, которыя возродятъ во мнѣ памятники древности, и раздѣлю съ вами всѣ впечатлѣнія, которыя оставитъ во мнѣ мое путешествіе.

ПИСЬМО 2.

Полтава.

Солнце уже закатилось, блестящіе лучи его уже сокрылись за горами, когда мы увидѣли прекрасныя окрестности Полтавы, златоглавый Вознесенскій монастырь и тѣ поля, на которыхъ побѣдоносные громы величайшаго изъ вѣнценосцевъ грянули и поразили ополченія Шведскія.

Полтава (*), основанная въ началѣ 17 столѣтія прежде была главнымъ городомъ полка, которой и назывался по ея имяни, — Полтавскимъ. БЛАГОСЛОВЕННЫЙ АЛЕКСАНДРЪ, изъ уваженія къ праху сокрытыхъ здѣсь храбрыхъ предковъ нашихъ, повелѣлъ ей быть Губернскимъ городомъ, приказалъ украсить ее огромными зданіями и наконецъ воздвигнуть памятникъ славной побѣды.

Воля Монарха исполнена, — и посреди прекрасной круглой площади, между отличными строеніями, составляющими украшеніе города, явился прекрасной обелискъ.

Четвероугольное возвышеніе песчаныхъ камней, обложенное грани-

(*) Первое построеніе оной приписываютъ козаку Маслу въ 1602 годѣ.

тами и обнесенное решеткою, составляетъ его основаніе, около котораго 18 пушекъ врыты въ землю. Четыре ступени ведутъ на оное къ гранитному, военными доспѣхами (армашурою) украшенному, подножію, на которомъ возвышается круглая чугунная колонна, увѣнчанная пальмовыми и дубовыми листьями. Орелъ съ молніеносными стрѣлами, сидящій на вершинѣ оной, распросперъ крылья свои и порывается летѣть съ лавровымъ вѣнкомъ на могилу воиновъ здѣсь падшихъ. Орелъ летитъ не безъ цѣли: — мысль отличная!

Обелискъ прекрасной и отдѣланъ очень хорошо; но памятникъ великихъ дѣлъ, долженствующій въ роды родовъ возвѣщать славу Россіи и мужество вѣрныхъ сыновъ ея, долженъ быть самъ по себѣ величественъ. Къ сожалѣнію въ немъ этаго недостаетъ.

Однакожъ, невзирая на то, онъ можетъ тронуть, можетъ поразить душу Россіянина и возвысить чувствованія его; можетъ напомянуть ему величіе предковъ и разпаливъ любовію къ отечеству, вселить стремленіе къ славѣ.

Удивляюсь тѣмъ, которые осмѣливаются отрицать пользу благодѣтельницъ нашихъ — изящныхъ искусствъ. Драгоцѣнно вліяніе ихъ въ сердца наши!

ПИСЬМО 3.

Полтава.

Полтава не велика, малолюдна, но довольно хорошо расположена. Огромныхъ строеній, выключая казенныя, здѣсь почти нѣтъ; всѣ домы маленькіе, но чистые, свѣтлые

и укромные. Круглая, имѣющая 480 шаговъ въ діаметрѣ, площадь Александровская съ монументомъ и прекрасными каменными зданіями, составляетъ единственное украшеніе города.

Я не буду описывать вамъ всего окружающаго памятникъ незабвенной побѣды; но скажу только о домахъ: Генералъ Губернаторскомъ и Дворянскомъ. Первой, въ Іоническомъ орденѣ построенный, имѣетъ 3 этажа; второй, не столь огромной, украшается изображеніями *славы* и *изобилія*.

Мѣстоположеніе Полтавы прекрасно; окрестности ея прелестны. Она построена на горѣ. Предъ нею зеленѣетъ обширный лугъ, по которому извиваются ручьи и Рагозна катится въ Ворсклу. Къ ней примыкаетъ съ восточной стороны ра-

внина, на которой въ зелени прекрасныхъ рощицъ бѣлѣютъ кое-гдѣ деревенскіе домики. Ее окружаютъ сады, въ которыхъ на вѣтьвяхъ согнутыхъ отъ плодовъ краснѣютъ теперь зрѣющія вишни, сливы и яблоки.

Благословенныя мѣста!...

ПИСЬМО 4.

Полтава.

Прахъ воиновъ какъ Рускихъ, такъ и Шведскихъ, падшихъ здѣсь на полѣ брани, покоится въ 4 верстахъ отъ города.

Тамъ видно возвышеніе земли съ воздвигнутымъ на немъ вызолоченнымъ крестомъ.

Всеразрушающая коса времени не щадитъ сего драгоцѣннаго

для насъ наслѣдія: земля осѣдаетъ, насыпь изглаживается. Еще нѣсколько лѣтъ, — и слѣды ея изчезнутъ.

Поздные потомки истинныхъ сыновъ Россіи придутъ искать останковъ сей могилы, придутъ поклониться праху мужественныхъ предковъ своихъ; но они уже найдутъ здѣсь поле воздѣланное руками поселянина, подъ плугомъ котораго захрустятъ кости и зазвенитъ оружіе истлѣвшихъ воиновъ.

Вспомните Виргилія и прекрасные его стихи:

. . . . . Tempus veniet cum finibus illis
Agricola, incurvo terram molitus aratro,
Exesa inveniet scabra rubigine pila,
Aut grauibus rastris galeas pulsabit inanes,
Grandiaque effosis mirabitur ossa sepulchris (*).

*) Georgica.

Такъ вѣщалъ творецъ Енейды, обращаясь къ полямъ Македонскимъ, на коихъ скрытъ былъ прахъ Римлянъ, убитыхъ подъ знаменами Юлія Цезаря, Помпея, Августа, Брута и Кассія; такъ вѣщалъ онъ, — и предвѣщанія его сбылись.

Также думалъ и я взирая на могилу Рускихъ и Шведовъ.

Предчувствіе горестно, но событіе неизбѣжно! Законъ природы неизмѣняемъ, время неумолимо! Разрушенныя царства, изглаженные города, испребленные народы: все возвѣщаетъ намъ слѣды вѣковъ, все возвѣщаетъ общій конецъ и подтверждаетъ слова безсмертнаго Хераскова:

Къ чему серпомъ своимъ коснется,
Гдѣ время только пробѣжитъ,
Все гибнетъ, ржавѣетъ и рвется;
Покрыто мхомъ сѣдымъ лежитъ.

Виноватъ! я забылъ что вы причислили меня къ числу путешественниковъ, которымъ запрещаютъ изъявлять чувствованія свои.

Ежели вы хотите видѣть холмъ, на которомъ поражены въ первый разъ Шведы, то поѣзжайте за 9 верстъ отъ Полтавы и сыщите *Побиванцы*. Могилы, въ которыхъ тлѣютъ кости Шведскія, покажутъ вамъ путь къ сему возвышенію.

ПИСЬМО 5.

Деревня. Ч....

Распростившися съ Полтавою, и поклонясь въ послѣдній разъ памятнику, мы пустились вчера вечеромъ въ путь.

Въ верстѣ отъ города осребрила насъ, выкатившаяся изъ за облаковъ, луна. При первомъ взглядѣ на

нее и на поле, по которому разливался блѣдный свѣтъ ея, воспоминанія увлекли меня.

Также, думалъ я, взирая на нее, также возходила она можетъ быть, послѣ Полтавской брани, когда здѣсь отдыхалъ на лаврахъ мужественный, предпріимчивый, великій ПЕТРЪ, которой, летая среди пуль и ядръ между рядами воиновъ, металъ насіи равнины побѣдоносныя молніи свои. Таковойже тусклый блескъ освѣщалъ можетъ быть бегущаго съ полей Полтавскихъ отважнаго, неустрашимаго, храбраго Карла, которой съ простпрѣленною ногою, сидя въ качалкѣ, являлся здѣсь предъ унылыми рапниками своими и возжигалъ въ нихъ духъ мужества. Такіе же блѣдные лучи ударялись здѣсь въ облака сѣраго дыма, скользили поружьямъ и поглощались потоками

дымящейся крови, въ которыхъ плавали тысячи умирающихъ воиновъ.

Какая разительная противоположность между прошедшимъ и настоящимъ!

Гдѣ раздавались ужасные стоны, прерываемые восклицаніями побѣдителей, тамъ слышны теперь только веселыя пѣсни. Вмѣсто сіяющихъ мечей, — сверкаютъ одни плуги. Поля обагренныя кровію, — покрыты хлѣбомъ, травою, многочисленными стадами и крестьянскими домиками, въ которыхъ поселяне наслаждаются спокойствіемъ и мирною жизнію. Благодаря Всевышняго, громы войны не тревожатъ ихъ.

ПИСЬМО 6.

Решетиловка.

На что это? спросилъ я у перваго попавшагося мнѣ Малороссіянина, увидя бѣлые платки привязанные ко крестамъ, поставленнымъ на могилахъ. „*Для того*, отвѣчалъ онъ, „*чтобы мертвый по возстаніи своемъ могъ онымъ утереться.*“ Обыкновеніе странное и довольно смѣшное, однакожъ соблюдаемое во многихъ селахъ Малороссійскихъ.

Решетиловка, — мѣстечко, населенное частію козаками, а частію помѣщичьими крестьянами, и имѣющее нѣсколько тысячь жителей.

Черныя овцы Решетиловскія славятся во всей Россіи. Торгъ мерлужками здѣсь очень важенъ, и многіе издалека пріѣзжаютъ сюда для покупки оныхъ.

Большой деревянной домъ, прекрасной садъ и оранжерея, на которые я смотрю теперь, принадлежатъ В. С. П. Онъ прежде жилъ

здѣсь, и жилъ славно. Теперь все запустѣло.

ПИСЬМО 7.

Бѣлоцерковка.

Я теперь въ томъ мѣстѣ, на которомъ лилась невинная кровь ревностныхъ сыновъ отечества. Мы тамъ, гдѣ нещастные Искра и Кочубей, пали отъ удара свирѣпаго Мазепы, и гдѣ головы ихъ, злодѣйскою рукою палача отсѣченныя, скатились съ нихъ. Напрасно искалъ я мѣста казни. Никто его неуказалъ мнѣ.

Здѣсь у одного мѣщанина есть ружье съ надписью: *Бѣлоцерковскаго полка.* Всѣ усилія мои купить оное остались тщетными; онъ не согласился ни за что уступить, говоря, что досталось оно ему по наслѣдству. Черта похвальная! Посту-

покъ, показывающій, что Малороссіяне любятъ предковъ своихъ, любятъ славу ихъ, и чтутъ память тѣхъ козаковъ, которые храбро защищались и поражали Поляковъ подъ предводительствомъ Хмельницкаго, одержали 14 побѣдъ надъ Волохами подъ начальствомъ Свирговскаго, и отличались потомъ неустрашимостію своею при взятіи Азова!

ПИСЬМО 8.

Хоролъ.

Мы сей часъ переѣхали древнюю границу Рускую, и обѣдаемъ теперь въ Хоролѣ, — небольшомъ городкѣ Полтавской Губерніи. Онъ стоитъ при рѣкѣ того же имени, которая въ древности отдѣляла Россіянъ отъ Половцовъ, часто грабившихъ пограничныя села. На ней съ

ѣзжались уполномоченные отъ обѣихъ сторонъ для переговоровъ (*) Вотъ все, что могу вамъ сказать о Хоролѣ.

ПИСЬМО 9.

Лубны.

Я еще невидалъ города; но видѣлъ его мѣстоположеніе, видѣлъ и восхищался имъ. Видѣлъ высокую и крутую гору, на которой онъ разсѣянъ; видѣлъ долину разстилающуюся у подошвы ея; видѣлъ Сулу, которая струится по ней, извивается, дѣлится на множество рукавовъ и мелькаетъ въ травѣ; видѣлъ желтѣющія вдали поля, покрытыя колосьями созрѣвшаго хлѣба и волнуемыя легкимъ вѣтромъ; видѣлъ разсѣянныя въ равнинѣ хижины сельскія, зеленѣющій кустарникъ и крутой холмъ, на которомъ, посреди высокаго, густаго лѣса, возвышается *Мгарской* монастырь.

(*) Большой чертежъ.

Природа щедрою рукою разсыпала здѣсь всѣ дары свои. Прекраснѣйшія мѣста, плодородныя земли, благоразтворенный воздухъ: все доказываетъ, что жители Полтавской Губерніи не пасынки ея, а истинныя дѣти. Но къ сожалѣнію многіе изъ нихъ безпечны и не умѣютъ пользоваться сокровищами своими; многіе изъ нихъ бѣдны, и не стараются о приобрѣтеніи богатства. Любимое и главнѣйшее ихъ занятіе есть скотоводство; оно однакожъ не можетъ замѣнить произведеній земли, способной къ произрожденію не только всякаго хлѣба, но и плодовъ свойственныхъ теплѣйшимъ странамъ Европы.

ПИСЬМО 10.

Лубны.

Вотъ уже три дни, какъ я живу здѣсь, и живу довольно весело. Городъ этотъ хотя не великъ, довольно грязенъ и строеніемъ очень дуренъ; однакожъ я нашелъ въ немъ нѣсколько прекрасныхъ жителей, коихъ сообщество сдѣлало для меня незабвеннымъ пребываніе мое въ Лубнахъ.

Не говоря о почтенныхъ семействахъ П. М. П....го и ф. П. Г...ва, скажу вамъ о *Павлѣ Васильевичѣ Пустошкинѣ*, которой оказалъ значительныя услуги отечеству и Исторіи Руской. Храбрость и знаніе военнаго искусства, съ которыми поражалъ онъ враговъ Россіи, доставили ему милости Монарха, чинъ Вице-Адмирала и знаки

отличія; умъ, познанія, кротость и добродушіе приобрѣли ему всеобщее уваженіе и любовь; а открытіе на островѣ Таманѣ камня, которой разрѣшилъ всеобщій споръ о мѣстоположеніи Тмутараканскаго Княженія, принесло ему благодарность отъ всѣхъ любителей отечественныхъ древностей. Онъ оставилъ теперь поприще славы, избралъ себѣ мирное жилище въ здѣшнемъ городкѣ, и пользуясь пенсіею, отъ щедротъ Монаршихъ ему дарованною, рѣшился провести остатокъ дней своихъ въ счастливомъ климатѣ Малороссіи.

Сей почтенный по чину и достоинствамъ своимъ старецъ, служившій отечеству болѣе 40 лѣтъ и украшенный орденами, кровію пріобрѣтенными, принимаетъ насъ благосклонно и ласково. Мы бываемъ у

него каждой день, и непримѣтно проводимъ время, разговаривая о наукахъ или разсматривая нѣкоторыя хранящіяся у него рѣдкости. Я причисляю сюда вывезенныя имъ изъ Италіи картины и камни съ различными изображеніями, въ начертаніи которыхъ природа, при механическомъ скопленіи первоначальныхъ веществъ, едвали уступила искусству.

Сюда же отношу я мамонтовыя изкопаемыя кости, т. е. челюсть и два клыка, близъ Лубенъ изъ земли вырытыя.

Челюсть проникнута известію и вывѣтрилась такъ, что даже при малѣйшемъ давленіи руки разсыпается. Зубы, которыхъ на каждой сторонѣ ея было по четыре, сломались; но остатки оныхъ такъ же, какъ и вся обьятность, не показы-

ваютъ огромной величины, и какъ кажется, гораздо менѣе слоновыхъ. Что же касается до клыковъ, то они имѣютъ гораздо большую твердость, и хотя не плотную, но гладкую, бѣлую, нѣсколько лоснящуюся поверхность. Наружный видъ ихъ представляетъ подобіе рога, дугою согнутаго, во внутренности пустаго и при концахъ съуженнаго.

Вотъ вамъ описаніе сихъ костей. Желалъ бы сказать какого они точно звѣря; но я не естествоиспытатель, и не смѣю вступать въ такія изслѣдованія, о которыхъ самые знаменитые наблюдатели природы много спорятъ. Я бы могъ почесть ихъ принадлежащими тому животному, которое, по словамъ Бюфона и Палласа, составляетъ видъ Слона; равнымъ образомъ могъ бы причислить и къ тому, которое

Кювье, отдѣляя отъ Слона, называетъ Мамонтомъ. Но опять повторю, что я несмѣю въ это мѣшаться. Прочтите сочиненія сихъ природоиспытателей, спросите Добантона, справьтесь съ Блюменбахомъ и сличите ихъ мнѣнія; тогда вы будете имѣть познаніе объ изкопаемыхъ костяхъ.

ПИСЬМО II.

Лубны.

О древности, о времени построенія Лубенъ такъ, какъ и многихъ другихъ городовъ, ничего не извѣстно. Я знаю только то, что въ 1107 году (слѣдуя Нестору) близъ него Россіяне одержали славную побѣду надъ Половцами. Это заставляетъ приписывать ему отдаленную древность и полагать (не выдавая за совершенно справедливое), что

онъ построенъ при Владимірѣ I (*). Не смотря на то, въ немъ нѣтъ ничего достопамятнаго; ничто въ немъ не соотвѣтствуетъ древности; ничто не дѣлаетъ его занимательнымъ въ глазахъ путешественниковъ, выключая огромной аптеки, которая доставляетъ лѣкарства на армію, и заведенныхъ при ней обширныхъ ботаническихъ садовъ.

Въ окрестности Лубенъ (т. е. въ 6 или 7 верстахъ отъ города)

(*) Несторъ на стр. 84 говоритъ: *„и нача* (Володимѣръ) *ставити городы по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Стугнѣ, и по Сулѣ.* При сей послѣдней стоятъ Лубны. При томъ же Великая ЕКАТЕРИНА утверждаетъ, что Ростовецъ и Снятинъ, основанные также при Сулѣ, построены Владимѣромъ. Должно думать, что вмѣстѣ съ ними положено начало Лубнамъ.

есть урочище называемое *Войнихою*, на которомъ, по преданію здѣшнихъ жителей, одержана упомянутая мною побѣда.

ПИСЬМО 12.

Лубны.

Небольшая равнина, въ 4 верстахъ отъ Лубенъ, на высокомъ и крутомъ холмѣ, окруженномъ совсѣхъ сторонъ столѣтними дубами и грабинами, была избрана отшельниками для жилища.

Тамъ, удалившись отъ міра и посвятивъ жизнь свою одному Богу, спасалися они. При вѣчномъ шумѣ ужаснаго лѣса, въ постѣ и молитвѣ проводили дни и ожидали разрушенія бреннаго своего состава, въ надеждѣ что духъ ихъ воспаритъ въ селенія райскія. Въ выстроенномъ на томъ мѣстѣ *Мгарскомъ* монас-

тырѣ почиваютъ мощи Св. Аѳанасія Патріарха Константинопольскаго, которой по словамъ нѣкоторыхъ скончался, а по увѣренію другихъ погребенъ, сидящій. Нетлѣнные его останки и теперь въ томъ же положеніи покоятся. Благоговѣніе къ онымъ привлекаетъ сюда большую часть богомольцевъ, идущихъ въ Кіевъ.

Около церкви воздвигнуто нѣсколько памятниковъ, а во внутренности висятъ 3 портрета. Первой представляетъ одного Митрополита Кіевскаго, котораго мощи здѣсь были, но по повелѣнію ПЕТРА Великаго заложены въ стѣнѣ. Для чего, спросите вы? Говорятъ, что онъ былъ духовникъ Мазепы. Вотъ что сказали мнѣ!... Но закроемъ завѣсу и взглянемъ на *Апостола*, бывшаго Малороссійскаго Гетмана. Черты

лица выражаютъ умнаго человѣка, а красная одежда, булава и длинные сѣдые усы показываютъ, что онъ управлялъ древними Малороссіянами. Изображеніе одного наслѣднаго Принца Гамбургскаго и Ландграфа Гессенскаго, украшеннаго орденомъ Св. Андрея, занимаетъ здѣсь мѣсто потому, что онъ сдѣлалъ значительное пожертвованіе для поспѣшенія сей церкви, которая теперь довольно обогащена подаяніями богомольцевъ.

ПИСЬМО 13.

Лубны.

Вотъ истинной человѣкъ! Вотъ благородная, чувствительная, добрая душа! твердилъ я самъ себѣ, вышедши отъ почтеннаго Павла Васильевича Пустошкина, къ которому ходилъ прощаться.

Недумаетели вы, что онъ наговорилъ мнѣ кучу вѣжливостей, что онъ забросалъ меня пустыми словами, которыя часто сыплютъ на насъ люди, не имѣющіе ни малѣйшаго сердечнаго къ намъ расположенія? Совсемъ нѣтъ! Онъ сдѣлалъ больше: онъ благословилъ меня, и пожелавъ всѣхъ благъ, сказалъ: „*помни меня, и будь увѣренъ, что я тебя люблю.*“ — Слеза чистосердечія и доброты блеснула на глазахъ его; блеснула, — и глубоко напечатлѣлась въ сердцѣ моемъ. Я хотѣлъ его благодарить, хотѣлъ излить предъ нимъ всѣ чувствованія разтроганнаго моего сердца, хотѣлъ...., но ничего не могъ сказать: нечаянная встрѣча сія поразила меня столь сильно, что я сдѣлался безмолвнымъ. Навернувшіяся слезы, и наконецъ нѣсколько словъ, отрывис-

то, безъ связи произнесенныхъ, были моимъ отвѣтомъ.

Друзья мои! Этотъ почтенный, добродѣтельный мужъ счастливъ; счастливъ потому, что добръ сердцемъ, спокоенъ духомъ, доволенъ своимъ состояніемъ и уважаемъ всѣми знающими его. Онъ оставилъ блестящее поприще славы и тихо проводитъ дни въ укромномъ домикѣ своемъ или въ зеленѣющемъ около него садѣ, гдѣ вспоминаетъ минувшія бури жизни и ожидаетъ конца потухающей вечерней зари своей. Гостепріимство обитаетъ въ жилищѣ его. Всѣ проѣзжіе смѣло могутъ идти къ нему, и вѣрно будутъ отъ добраго сердца приняты.

Еще повторю: онъ счастливъ потому, что не ищетъ счастія; онъ счастливъ потому, что не гоняется за нимъ, и по выраженію Спер-

на (*), не изнуряется преслѣдуя оное; онъ счастливъ потому, что не желая почестей, наслаждается тихимъ сіяніемъ души и сладкою радостію сердца, которыя, какъ говоритъ Попе (**), составляютъ достойнѣйшую награду добродѣтели и не могутъ быть никакимъ земнымъ владычествомъ, ни дарованы, ни разрушены. Онъ счастливъ потому, что обладаетъ спокойствіемъ, которое, какъ увѣряетъ Горацій (***), дороже драгоцѣнныхъ камней, дороже золота, дороже самой порфиры; онъ обладаетъ говорю спокойствіемъ, которое Галлеръ справедливо называетъ матерью нашего счастія.

Zufriedenheit war stets die Mutter
unsers Glüks

(*) Коранъ.

(**) Опытъ о человѣкѣ.

(***) Ode 16 lib. 2.

ПИСЬМО 14.

Лубны.

Сегодня поутру видѣлъ я древняго козака Малороссійскаго; сего дня поутру говорилъ я съ почтеннымъ 96 лѣтнимъ воиномъ. Величественная его осанка и умное лице суть остатки силы и молодости, во дни которой сражался онъ; а слова его — отголосокъ пламенной любви къ отечеству, которая владѣла рукою его въ бояхъ.

Согнутый бременемъ лѣтъ своихъ, долго сидѣлъ онъ въ задумчивости и отрывисто отвѣчалъ на мои вопросы; но когда заговорилъ о семилѣтней воинѣ, во время которой служилъ онъ; когда сталъ разсказывать о подвигахъ, соотечественниками нашими въ ней оказанныхъ; когда началъ описывать побѣду, подъ Кунерсдорфомъ Рускими одержан-

ную, — нѣкоторой священный жаръ одушевилъ его и засверкалъ въ потускломъ глазахъ. Старикъ напрягалъ послѣднія силы ослабѣвшаго голоса, дабы съ большею выразительностію сказать мнѣ о храбрости Рускихъ воиновъ, и кажется, досадовалъ на природу, которая отняла у него силы.

Часовая бесѣда моя съ нимъ принесла мнѣ сердечное удовольствіе и останется для меня незабвенною.

ПИСЬМО 15.

Деревня Ракиты.

Вчера въ 10 часовъ утра бросился я въ объятія милыхъ КК — евъ; вчера пріѣхалъ я въ Ракиты, гдѣ ожидали меня тихія удовольствія дружбы.

Я не искалъ здѣсь ничего удивительнаго, не видалъ ничего любо-

пышнаго; но нашелъ милыхъ для сердца моего и почтенныхъ, привѣтливыхъ, добрыхъ родителей ихъ. Меня приняли съ знаками живѣйшаго удовольствія, вспрѣтили съ непритворною радостію, — и два дни непримѣтно протекли въ дружескихъ бесѣдахъ, два дни промчались въ сообществѣ съ любезными сердцу.

Мы не увѣряли другъ друга въ привязанности, не клялись во взаимной любви, не мечтали объ идеалахъ дружбы, составленныхъ Вольтеромъ и Жанъ Жакомъ Руссо; не думали о Пиѳагорѣ, Аристотелѣ, Цицеронѣ, ни о похвалахъ, которыми превозносили они дружбу; не упоминали о Монтескье, Ривароль, и не старались причислять себя ни къ одному изъ тѣхъ трехъ родовъ, на которые сей послѣдній раздѣлялъ друзей. Прекрасные стихи

въ которыхъ Капнистъ и К. Долгорукій воспѣвали дружбу, были также забыты нами.

Мы говорили только о себѣ и взаимныхъ чувствахъ, мысляхъ, предпріятіяхъ. Вспоминая прошедшее, раздѣляли минувшія удовольствія и печали; жалѣли о первыхъ, радовались, что изчезли послѣднія. Представляя себѣ будущее, старались угрожающія огорченія и безпокойства разрушить пріятными надеждами.

Несясь за воображеніемъ въ мірѣ очарованій, хватались за колесо счастія, возносились съ нимъ на высоту почестей, строили замыслы и потомъ, подобно Альнаксару, опять падали представляя пространство того пути, которой надлежитъ намъ пройдти и на коемъ блестятъ

веселые призраки, насъ теперь къ себѣ манящіе.

Во всѣхъ сихъ мечтаніяхъ и воздушныхъ предпріятіяхъ общимъ желаніемъ нашимъ было — вмѣстѣ жить; общею боязнію — встрѣча такихъ обстоятельствъ, въ которыхъ и священныя связи дружества не облегчатъ нашихъ горестей, не умножатъ радостей и не освѣтятъ заката жизни нашей, который можетъ быть, будетъ покрытъ мрачными тучами.

Вижу что не у мѣста излилъ я сердечныя чувствованія мои; но въ оправданіе, вмѣстѣ съ Монтескье скажу: *я влюбленъ во дружбу.*

Заключаю письмо мое описаніемъ памятника пріятныхъ минутъ, мною оставленнаго въ Рокитахъ. Такъ! я оставилъ здѣсь памятникъ дружбы, я оставилъ здѣсь имя мое. Въ саду

подъ тѣнію густыхъ листьевъ на прехъ молодыхъ деревьяхъ, которыхъ вѣтьви сплелись, увидятъ здѣсь оное между именами милыхъ друзей и хозяевъ.

Но пора окончить. Солнце уже склонилось къ западу, лучи его уже скрываются; лошади мои готовы, колокольчикъ звенитъ. Я бросаю перо, кидаюсь въ объятія любезныхъ К. К — евъ и прижавъ ихъ къ сердцу, скачу въ путь.

ПИСЬМО 16.

Ташанъ.

Величественное каменное строеніе въ древнемъ готическомъ вкусѣ, круглыя башни оканчивающіяся желѣзными остріями и высокая, зубчатая ограда, показавшіяся въ правой сторонѣ дороги, дали знать намъ, что мы близъ жилища покой-

наго Задунайскаго, въ которомъ лютая коса смерти пресѣкла послѣдніе дни жизни его, проведенные въ мирѣ, тишинѣ и удаленіи отъ громовъ Марсовыхъ; въ которомъ покоился и скончался онъ на лаврахъ имъ пожатыхъ.

Почтеніе къ имени сего великаго мужа, почтеніе къ подвигамъ его, почтеніе и къ жилищу его, возбудили во мнѣ нетерпѣливое желаніе быть въ Ташанѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы дѣйствительно очутились тамъ, и старый слуга покойнаго Графа повелъ насъ во внутренность замка, котораго одна половина обращена пожаромъ въ груды камней, а другая приближается къ своему разрушенію. Дворъ заросъ дикою травою, которую не топтали ноги человѣческія. Вездѣ царствовало мертвое молчаніе; вездѣ видимы были слѣды времени; все возвѣ-

щало скорое паденіе послѣднихъ остатковъ сего величественнаго зданія. Б... не могъ равнодушно смотрѣть на оное, и задумавшись вошелъ со мною въ комнату.

„*Здѣсь*, говорилъ нашъ проводникъ, указывая на дверь, *здѣсь была зала; она теперь завалена кулями съ мукою. Это гостинная*, продолжалъ онъ, *которая оставлена въ томъже положеніи, въ каковомъ была и при покойникѣ.*“ Стѣны ея обиты полосатою шелковою матеріею, мебель богатымъ штофомъ. Посрединѣ стоялъ круглой столъ краснаго дерева, возлѣ него крѣсло, украшенное вызолоченною бронзою, а на стѣнѣ висѣла географическая карта Малороссіи, раздѣленной на полки. Наконецъ: „*вотъ*, вздохнувши сказалъ нашъ проводникъ, всей душою привязанный къ своему покойному Господину,

„вотъ то мѣсто, на которомъ „Графъ испустилъ духъ свой„.

Непритворная, горесть показавшаяся на лицѣ вѣрнаго слуги, и чувство, съ которымъ онъ произнесъ послѣднія слова, тронули меня.

Славный побѣдитель Кагульскій умѣлъ соединять достоинства великаго полководца съ кротостію добраго господина!

Прошедши нѣсколько маленькихъ комнатъ, изъ которыхъ одна зеркальная мы взобрались на верхъ, гдѣ живали пріѣзжавшіе къ Графу гости, а потомъ въ одну изъ башенъ, надъ домомъ возвышающихся, отколуда видны всѣ прекрасныя, прелестныя, разнообразныя окрестности здѣшнія. Наконецъ мы спустились внизъ, дабы еще разъ взглянуть на то мѣсто, гдѣ погасъ свѣтильникъ жизни Задунайскаго. Желая

имѣть воспоминаніе минутъ, нами въ Ташанѣ проведенныхъ, я снялъ кусочикъ хрусталя съ люстры, въ спальнѣ висѣвшей, и оставилъ замокъ.

Маленькая тропинка, извивающаяся среди густой травы, растущей на дворѣ, привела насъ къ башнѣ. Чрезъ нее вошли мы въ садъ, и осѣняемые густыми деревьями Грецкихъ орѣховъ, кои отбрасывали тѣнь свою на острые зубцы высокой стѣны, приближились къ маленькой, надъ рѣкою, на крутой скалѣ построенной бесѣдкѣ, въ которую покойной Задунайскій приходилъ наслаждаться природою и дышать свѣжимъ воздухомъ. Можетъ быть подъ сими же деревьями, взвѣшивая царства, наблюдая движенія воинствъ и разсматривая предпріятія всѣхъ дворовъ Европейскихъ, предсказывалъ

онъ и ускорялъ паденіе однихъ и славу другихъ народовъ.

Деревья также зеленѣютъ какъ и прежде, рѣка пекущая подъ горою, катится также. Ничто не измѣнилось; . . . но его нестало! Мнѣ казалось что тѣнь его носилась предо мною; я съ почтеніемъ смотрѣлъ на все окружающее меня и мечталъ вмѣстѣ съ безсмертнымъ Державинымъ повторяя прекрасные стихи его.

Подъ наклоненнымъ кедромъ внизъ,
При страшной сей красѣ природы,
На утломъ пнѣ, который свисъ
Съ утеса горъ на яры воды,
Я вижу нѣкій мужъ сѣдой
Склонился на руку главой.

*

Копье и мечь и щитъ великой,
Стѣна отечества всего,
И шлемъ, обвитый павеликой,

Лежатъ во мху у ногъ его:
Въ бронѣ блистая златордяной,
Какъ вечеръ во зарѣ румяной.

Глаза мои находили нѣкоторое сходство картины водопада съ картиною видимой мною природы, а воображеніе дополняло подобіе. Ежели вы, будучи когда нибудь въ Ташанѣ, не найдете сего сходства; то не пѣняйте мнѣ, но скажите съ Сульцеромъ: *зрѣніе во многихъ точкахъ сливается съ воображеніемъ.*

Ташань не часто посѣщается любителями рѣдкостей и почитателями великихъ мужей; но въ ней бываютъ сельскіе хозяева и купцы. Какъ пѣхъ, такъ и другихъ привлекаютъ сюда 20,000 Испанскихъ и Силезскихъ овецъ.

ПИСЬМО 17.

Переяславъ. (*)

Вотъ столица древняго Княжества Переяславскаго! Вотъ городъ, знаменитой въ бытописаніяхъ нашихъ! Вотъ отечество безсмертнаго пѣвца Россіады! Вотъ остатки крѣпости разрушенной временемъ! Вотъ Трубежъ, многократно обагренный кровію безпокойныхъ и опасныхъ для Россіи Печенѣговъ! Вотъ Альта, увѣковѣченная злодѣйствомъ братоубійцы Святополка!

Сколько памятниковъ глубокой древности! Сколько пищи для ума и сердца! Сколько предметовъ для

(*) Изъ извѣстій о построеніи сего города Нестора и Никона можно заключить, что гораздо приличнѣе писать Переяславъ, нежели Переяславль.

вниманія любопытнаго путешественника!

Переяславъ наполненъ и окруженъ ими. Ежелибы всѣ преданія, переходящія изъ рода въ родъ, сохранялись между жителями здѣшними, ежелибы Малороссіяне были болѣе любопытны; то урочища, могилы и бугры, которыхъ здѣсь безчисленное множество, моглибы открыть намъ изобильные источники для историческихъ разысканій, и показавъ истинну, опровергнуть многія мѣста въ лѣтописяхъ нашихъ, основанныя на однѣхъ токмо догадкахъ, часто пустыхъ и нелѣпыхъ.

Древняя и очень хорошая крѣпость, которою былъ обнесенъ Переяславъ, и теперь еще видна. Я былъ въ ней и съ досадою видѣлъ, что памятникъ сей, самымъ временемъ

кажется изъ почтенія пощаженной, разрываютъ теперь для выварки селитры. Въ ней стоялъ дворецъ Княжеской; тщетно искалъ я слѣдовъ онаго! Они уже давно изгладились. Церьковь Успенія, въ коей Гетманъ Хмельницкій съ воинствомъ своимъ присягалъ на вѣрно-подданство Царю Алексѣю Михайловичу, также близка къ паденію.

Соборъ Переяславской, въ которомъ хранятся мощи Святаго Макарія Архимандрита Овручскаго, измученнаго Турками въ Каневѣ, довольно древній, и имѣетъ достойное любопытства великолѣпное Евангеліе, подаренное Мазепою, и плащеницу, за 250 лѣтъ предъ симъ присланную однимъ Молдованскимъ Господаремъ. Въ Переяславѣ есть также Семинарія и въ ней до 700 человѣкъ учащихся.

Городъ изрядной и довольно многолюдный, Кромѣ Малороссіянъ, въ немъ живутъ Жиды.

Не спрашивайте о жилищѣ Хераскова, не требуйте отъ меня подробностей жизни его, не заставляйте меня досадовать на неблагодарныхъ соотечественниковъ, которымъ и имя великаго поэта едва извѣстно. Однакожъ безпристрастно судя надобно сказать, что Малороссіяне почти справедливо жалуются на безсмертнаго пѣвца Россіады за то, что онъ не обезсмертилъ и даже забылъ мѣсто своего рожденія.

ПИСЬМО 18.

Переяславъ.

Время для насъ летитъ въ Переяславѣ. Мы проводимъ оное въ сообществѣ съ почтеннымъ и любезнымъ человѣкомъ, которой соеди-

няетъ въ себѣ хорошія познанія, добрую душу и чувствительное сердце; которой видѣлъ большую часть Европы, долго былъ игралищемъ судьбы, испыталъ почти всѣ роды несчастій и наконецъ заведенъ случаемъ въ Переяславъ. Это Я. И. Б - въ. Онъ живетъ въ уединеніи; домъ его, стоящій за городомъ, представляетъ точно хижину сельскую, окруженную цвѣтникомъ и маленькимъ садикомъ. Жизнь его течетъ очень тихо. Будучи отдаленъ отъ друзей и родныхъ, онъ, какъ говоритъ, ищетъ удовольствій въ самой природѣ и удивляется богатству ея въ здѣшнихъ мѣстахъ. Синѣющіяся предъ окнами Заднѣпровскія горы и шумящій близко Трубежъ, увеселяютъ его; чтеніе книгъ разсѣваетъ скуку его. Онъ, кажется, полюбилъ меня и мы рѣшились вмѣстѣ осма-

тривать окрестности Переяслава, вмѣстѣ искать памятниковъ, собирать рукописи и дѣлать возможныя открытія.

ПИСЬМО 19.

Переяславъ.

Всевышнему угодно было отяготить шуйцу свою и совершить казнь надъ Святополкомъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сіе изчадіе природы злодѣйскими руками приверженцовъ своихъ совершилъ братоубійство, т. е. въ 3 верстахъ отъ Переяслава на берегу Альты. Тамъ палъ нещастный Борисъ подъ ударами кровожаднаго *Путши* и сообщниковъ его; тамъ же лилась и кровь раненаго Святополка; тамъ же разбилъ и разсѣялъ Ярославъ воинство его. Злодѣяніе отмщено на мѣстѣ преступленія!

Сраженіе между братьями было ужасное. Несторъ говоритъ, что въ Россіи до его времени не случалось подобнаго (*).

Почтенный Яковъ Ивановичь Благодаровъ, — новой знакомецъ нашъ, взялся быть путеводителемъ моимъ къ мѣсту сему, убійствами ознаменованному. Мы провели тамъ цѣлой вечеръ, пили чай, гуляли и думали о событіяхъ протекшихъ вѣковъ.

Великій Князь Владиміръ Мономахъ изъ благоговѣнія къ памяти Святаго Бориса соорудилъ тамъ великолѣпную каменную церковъ и дворецъ свой (**), въ которомъ не только

(*) Кенигсберской списокъ стр. 100: *Бысть сѣча зла, такова не бывала въ Руси.*

(**) Силвестръ продолжатель Несторовой лѣтописи пишетъ на стр. 178: *въ лѣто* 6625 (1117) *Володимиръ Всево-*

провелъ онъ большую часть царствованія, но даже скончался (*).

Церковь до основанія разорена Батыемъ, дворецъ разрушенъ временемъ. Осталась только небольшая деревянная, валомъ обнесенная часовня, которую построилъ Межигорскаго монастыря Іеромонахъ *Θеодосій*, а въ ней изъ дикаго камня высѣченной крестъ, которой водрузилъ Переяславской Протопопъ *Григорій Бутовичь* въ 1664 годѣ.

лодовичъ заложи церковь на Альтѣ Святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба.

(*) Сочинитель Степенной книги говоритъ, что Владиміръ *всегда препровождая дни свои у любовныя ему церкви, иже на Альтѣ жизнь благоугодно скончча.* Это заставляетъ думать, что тамъ былъ дворецъ Княжескій. Преданія подтверждаютъ сію догадку.

Желая видѣть слѣды бывшихъ здѣсь строенія и не находя ихъ на поверхности земли, мы искали въ нѣдрахъ оной; но трудъ былъ напрасенъ. Однакожъ любопытство наше нѣсколько удовлетворилось, когда Я. И. Б. подъ водою *Альты* въ нѣсколькихъ аршинахъ отъ поверхности нашелъ что-то твердое, подобное основанію строенія. Вотъ можетъ быть остатки церкви и дворца, которые рѣка сія (подобно многимъ другимъ), перемѣнивъ теченіе свое, покрыла нанесенною землею! Послѣ сего мнѣ оставалось только разобрать на крестѣ надпись, почти изглаженную временемъ. Я обошелъ валъ, простирающійся на 330 сажень въ окружности, воротился въ часовню и послѣ долговременныхъ усилій срисовалъ крестъ.

Въ день перенесенія мощей, т. е. 2 Мая, туда стекается великое множество богомольцевъ, изъ которыхъ страждущіе болѣзнями, во время водоосвященія, совершаемаго большею частію Архіереемъ Переяславскимъ, погружаются въ воду. Многіе, какъ говорятъ, получаютъ изцѣленіе.

ПИСЬМО 20.

Переяславъ.

Путешествуя по окрестностямъ Переяслава, осматривая всѣ достопамятности, собирая извѣстія и преданія, наконецъ удалось мнѣ сдѣлать открытіе довольно любопытное. Я. И. Б.. въ почтенной знакомецъ нашъ, о которомъ я уже

писалъ къ вамъ, доспавилъ мнѣ случай взглянуть на одну древнюю рукопись.

Перебирая изорванные и замасленные листочки ея, со вниманіемъ разсматривая всѣ слова и буквы, нашли мы извѣстіе объ основаніи здѣшняго города

Неизвѣстной сочинитель увѣряетъ, что близъ нынѣшняго Переяслава было село *Перея*, въ которомъ родился *Іоаннъ* Усмошвецъ, извѣстный силою своею и пораженіемъ богатыря Печенѣжскаго. Владиміръ I, продолжаетъ онъ, для ознаменованія побѣды велѣлъ построить на мѣстѣ сраженія городъ и назвалъ оный *Переяславомъ* (Перея славная) въ честь *Переи*, прославившейся храбростію жителя. Одинъ 90 лѣтній Переяславлянинъ подтвердилъ извѣстіе сіе, увѣривъ, что и онъ пом-

нитъ остатки села называвшагося такъ. Показанное имъ мѣсто дѣйспвительно имѣетъ признаки, бывшаго на немъ нѣкогда, поселенія.

Мнѣніе сочинителя безъимянной рукописи не только правдоподобно, но и основательно; однакожъ я не смѣю защищать его, ибо оно противорѣчитъ всѣмъ лѣтописямъ нашимъ. Оно не согласно ни съ Несторомъ, которой производитъ названіе Переяслава отъ имени бойца; ни съ Никономъ, которой говоритъ что наименованіе города сего произошло отъ того, что„ *оной борецъ переялъ славу отъ Печенѣговъ Владиміру*; ни съ Августѣйшею нашею Писательницею, которая полагаетъ первоначальное основаніе Переяслава неизвѣстнымъ.

Однакожъ какъ бы то ни было, и отъ чего бы ни произошло наименованіе

города сего, странно только то, что Несторъ приписывающій построеніе онаго Владиміру Великому, упоминаетъ объ немъ въ договорѣ Олега съ Греками. Это доказываетъ что Переяславъ существовалъ еще прежде 10 столѣтія, въ концѣ котораго одержана побѣда надъ Печенѣгами при Трубежѣ.

Ежелибы Исторія наша не была наполнена подобными противорѣчіями, и ежелибы точно извѣстно было, что Владиміръ построилъ Переяславъ; тогда безъ сомнѣнія бы можно было принять извѣстіе безъимяннаго сочинителя за истинное и произвести названіе Переяслава отъ Переи.

ПИСЬМО 22.

Переяславъ.

Я еще видѣлъ достопамятность! Еще видѣлъ остатокъ варварства, остатокъ временъ, убійствами и злодѣяніями ознаменованныхъ.

Въ 10 верстахъ отъ Переяслава, въ ущельяхъ высокихъ горъ, на правой сторонѣ Днѣпра есть пещера, не извѣстно кѣмъ и когда выкопанная. Любопытство влекло меня во внутренность оной; я хотѣлъ видѣть ее, и надѣялся отъискать что нибудь рѣдкое, неизвѣстное. Я. И. Б. согласился также взлянуть на нее. Узкое, почти совсемъ засыпавшееся пескомъ отверзтіе ея, не остановило бы насъ; но груды, наполняющихъ ее костей человѣческихъ, представили совершенно непреодолимую преграду.

Тлѣющіе осшатки подобныхъ намъ людей моглибы возрадишь разсужденія о бренности нашей, о люпости времени и о смерти; но меня не занимали печальныя мысли. Я былъ веселъ и восхищался красошами величественной въ глазахъ моихъ природы. Я взобрался на крушыя Днѣпровскія горы, заспалъ на нихъ послѣдній лучь скрывшагося опъ насъ солнца, взглянулъ на Переяславъ и на конецъ сѣлъ на берегу Днѣпра любоваться прекраснымъ зрѣлищемъ быспрыхъ волнъ, которыя, багрѣя опъ послѣдняго блеска упухающей на западѣ зари, предспавляли огненную рѣку. По ней, неслись байдаки, нагруженные лѣсомъ и наполненные гребцами, поющими пѣсни. Звуки ихъ раздавались по водѣ; волны разбивающіяся о берега приносили къ намъ опголоски оныхъ.

ПИСЬМО 23.

Переяславъ.

Образъ правленія, воспишаніе, климашъ и мѣспоположеніе, сильно дѣйспвуя на природу человѣческую, производяшъ различіе какъ въ нравспвенномъ, шакъ и въ чувспвенномъ ея состояніи.

Опсюда произходишъ разнообразіе въ вѣрѣ, нравахъ, образѣ жизни и обрядахъ людей; — разнообразіе замѣченное у всѣхъ народовъ и во всѣхъ вѣкахъ; разнообразіе необходимо существующее между одно племенными поколѣніями и даже подданными одного Государспва, но жипелями различныхъ спранъ.

Рускіе и Малороссіяне произходяшъ опъ однихъ предковъ; какъ въ пѣхъ, шакъ и въ другихъ печешъ кровь древнихъ Славянъ; но нравы

ихъ несходны, обыкновенія отличны, законы неодинаковы.

Раздѣленіе Россіи на множество Княженій, кочевая жизнь Малороссійскихъ козаковъ, сосѣдство ихъ съ Поляками, смѣшеніе съ различными народами и принятые отъ нихъ обычаи и законоположенія произвели очень ощутительное различіе между сими двумя отраслями одного народа какъ въ нравахъ, такъ и въ обыкновеніяхъ. Мы не должны удивляться замѣчаемому нами несходству потому, что духъ народной, какъ говоритъ Райналь, есть слѣдствіе чрезвычайнаго множества постоянныхъ и случайныхъ причинъ. (*)

Пробѣжавъ бытописанія Малороссіи, которая нѣсколько вѣковъ составляла воинственное и независимое отъ Россіи Государство, ко-

(*) Esprit de Raynal.

торой первобытные жители смѣшались съ Черкесами, Татарами, Поляками и можетъ быть со многими другими неизвѣстными для насъ народами; которая долго не имѣла другихъ законовъ, кромѣ законовъ человѣку врожденныхъ, другихъ занятій, кромѣ войны, другихъ постановленій, кромѣ свободы, равенства, простой и дружественной жизни козаковъ, сдѣлавшихся страшными для всѣхъ сосѣдственныхъ державъ; пробѣжавъ, говорю, исторію Малороссіи бывшей независимою, и разсмотрѣвъ состояніе ея подъ игомъ Польши и подъ владычествомъ Россіи, мы удобно откроемъ причину производящую различіе и доставляющую жителямъ здѣшнимъ нѣкоторыя преимущества, цѣною крови предковъ пупленныя.

Малороссіяне именовалась прежде козаками (*) и гордились симъ названіемъ — славнымъ въ лѣтописяхъ міра. Они теперь раздѣляются подобно прочимъ жителямъ Россіи на дворянъ, духовныхъ, купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ; а имя козаковъ осталось только при одномъ состояніи.

Малороссіяне управляются собственными, отъ Поляковъ приняты-ми законами, или лучше сказать Маг-

(*) Козакъ значитъ бездомовной.

Сіе изъясненіе Г. Болтина наиболѣе принято. Стриковскій производитъ козаковъ отъ собственаго имени вождя ихъ *Козака*. Лѣтопись малой Россіи и Левекъ утверждаютъ, что сіе слово означаетъ *легко вооруженнаго*. Шереръ въ Annales de la petite Russie доказываетъ, что названіе козаковъ произходитъ отъ Днѣпровской косы.

дебургскими правами, которыя Король Казимiръ Ягелловичь ввелъ въ Малороссіи, и только въ случаѣ недостатка оныхъ прибѣгаютъ къ узаконеніямъ Россійскимъ.

Таковой образъ правленія, сообразной нравственности народной, необходимо требовалъ и особыхъ властей, нужныхъ для произведенія въ дѣйство всѣхъ постановленій. Потому находимъ мы здѣсь генеральной, повѣтовой, и подкаморій судъ, а также Подкамораго, Хорунжаго, Каморника, Вознаго: — чиновниковъ и присудственныя мѣста, совсемъ неизвѣстныя въ Губерніяхъ, по учрежденію образованныхъ.

Я бы могъ тебѣ коротко изложить здѣсь главнѣйшіе законы Малороссіянъ, могъ бы вычислить всѣ предоставленыя имъ преимущества; но боюсь обременить и наскучить

такимъ описаніемъ. Загляни въ Статутъ Литовскій, найдешь тамъ всѣ законоположенія и права Малороссійскія, кромѣ немногихъ, данныхъ сеймами Польскими и потомъ Государями Россійскими.

Недумай однакожъ, чтобы двоякія права Малороссіянъ приносили имъ пользу; однѣ изъ нихъ часто лишаютъ тѣхъ выгодъ, которыя доставляютъ другія.

Я оставляю образъ правленія, не касаюсь обрядовъ религіи, Малороссіянами у чужеземныхъ народовъ заятыхъ (*); но хочу описать тебѣ нравственность ихъ, образъ жизни и нѣкоторыя обыкновенія. Однакожъ предупреждаю, что замѣчанія мои будутъ относиться токмо до простаго народа. Забуду людей образованныхъ и благовоспитанныхъ, умолчу о вышнихъ званіяхъ здѣшнихъ жителей, не скажу ничего ни о Дворянствѣ, ни о купечествѣ; но займуся многочисленнѣйшимъ состояніемъ т. е. простолюдимами.

(*) Напр. Обливательное крещеніе. свадебныя и другія, не извѣстныя въ великой Россіи, обыкновенія.

Дворянство, составляющее отличнѣйшую часть людей, не можетъ намъ дать понятія о нравахъ и обыкновеніяхъ той страны, которую мы наблюдаемъ. Обычаи онаго несвойственны всѣмъ состояніямъ; нравственность онаго не есть нравственность всеобщая; образованіе онаго не составляетъ образованія народнаго.

Духовенство, посвящающее себя на служеніе олтарю, имѣетъ безъ сомнѣнія нѣкоторыя отличительныя черты ему свойственыя, но зависящія отъ случайныхъ обстоятельствъ, отъ званія и отъ обязанностей.

Купцы и Мѣщане занимающіеся торговлею, промыслами, рукодѣліями, и составляющіе средину между Дворянствомъ и простымъ народомъ, имѣютъ нравственность взятую отъ обоихъ состояній. Прибавьте къ тому нѣкоторыя странныя и часто чужеземныя обыкновенія, занятыя въ тѣхъ мѣстахъ, куда завлекла ихъ торговля,— и вы будете имѣть понятіе о купцахъ и мѣщанахъ Малороссійскихъ.

Вотъ высшія состоянія жителей Малороссійскихъ; но состоянія малочисленныя, состоянія, которыхъ нравственность, зависящая отъ многихъ случайныхъ обстоятельствъ и подверженная частымъ измѣненіямъ, не составляетъ для наблюдателя нравственности общей; которыя, по выраженію Даламберта, суть малые народы, окруженные однимъ многочисленнѣйшимъ.

Оставимъ различныя состоянія людей, забудемъ отличія, производящія между ими неравенство, обратимся къ человѣку вообще. Согласимся съ Руссо (*) въ томъ, что онъ одинаковъ во всѣхъ обществахъ, и что слѣдовательно большаго уваженія нашего заслуживаютъ многочисленнѣйшія изъ нихъ. И такъ взглянемъ на простой народъ и разсмотримъ нравственность онаго.

Малороссіяне благоговѣютъ къ Религіи и непреклонны въ священныхъ истинахъ оной. Раскольники между ими мало извѣстны.

Малороссіяне пламенно любятъ отчизну свою и помнятъ славу предковъ своихъ, ненавидя тѣхъ изъ нихъ, которые очернили имена свои презрительными поступками. Нѣтъ для нихъ ничего ужаснѣе, какъ имя

(*) Pensées de Rousseau.

Мазепы. Они забываютъ себя отъ ярости при семъ ругательствѣ.

Воинственный духъ древнихъ Козаковъ Малороссійскихъ не погасъ въ потомкахъ ихъ. Они всегда съ радостію идутъ сражаться за вѣру, Государя и ту землю, на которой прославились предки ихъ, на которой родились они, взросли, и на которой привыкли вспоминать громкія дѣла Свиргковскихъ, Наливайковъ и Хмелницкихъ. Названіе козака лестно для слуха ихъ; они неравнодушно произносятъ оное.

Малороссіяне честны, въ словахъ тверды и мужественны.

Домашняя жизнь и семейственное согласіе Малороссіянъ достойны уваженія. Почтеніе и любовь, къ которымъ приучаются они съ малолѣтства, дѣлаетъ ихъ послушными сыновьями, добрыми супругами и

хорошими отцами; а свято сохраняемая здѣсь вѣрность супружеская изгоняетъ изъ семѣйствъ ревность,— злѣйшаго врага спокойствія. Къ сожалѣнію однакожъ дружба не всегда соединяетъ здѣсь братьевъ, и раздоры часто царствуютъ между женами сихъ.

Къ чести Малороссіянъ, цѣломудріе свято сохраняется ими, не смотря на вольность обхожденія, между обоими полами позволенную. Молодые мужчины, хотя всегда свободно шутятъ и играютъ съ дѣвушками; но привыкли ограничивать желанія свои, не смѣютъ далеко простирать дерзкихъ требованій и довольствуются поцѣлуями, срываемыми со щекъ незастенчивыхъ Малороссіянокъ, которыхъ горделивая походка, вольность и рѣшительная твердость во всѣхъ поступкахъ

показываютъ мужество, женщинамъ необыкновенное, и часто отнимающее у нихъ прелести.

Чувствуя любовь, Малороссіяне не скрываютъ ее и не томятся. Ежели сердца ихъ созданы любить другъ друга, то они бросаются на колена предъ отцомъ съ матерью, и съ свойственнымъ языку сердца краснорѣчіемъ, умоляютъ соединить ихъ. Съ той минуты, въ которую нѣжныя чувствованія сердецъ увѣнчаются согласіемъ родныхъ, они носятъ названіе жениха и невѣсты; — названія дающія имъ право всегда быть вмѣстѣ и позволяющія нѣкоторыя невинныя шутки. Восходящее солнце освѣщаетъ ихъ во взаимныхъ ласкахъ, вечерняя звѣзда застаетъ ихъ въ томъ же положеніи, а не рѣдко и мрачная завѣса ночи скрываетъ ихъ, покоящимися сладкимъ сномъ въ объятіяхъ другъ друга.

Но горе тому, кто употребитъ во зло сію свободу! Стыдъ, поношеніе и даже презрѣніе ожидаютъ какъ ихъ, такъ и отцовъ съ матерями.

Малороссіяне болѣе, можетъ быть, нежели всѣ извѣстные народы, способны хранить ввѣренныя тайны; но добродѣтель сія часто обращается въ порокъ и производитъ скрытность.

Воровство было презрительнѣйшимъ проступкомъ у самыхъ древнихъ Малороссіянъ; — оно и теперь здѣсь въ омерзѣніи.

Замѣчу тебѣ наконецъ, что изобиліе въ прекрасныхъ картинахъ природы, щедрость земли и счастливой климатъ Малороссіи дѣлаютъ жителей здѣшнихъ веселыми и склонными къ забавамъ.

Съ сими свойствами они бы могли назвать себя счастливыми, еже-

ли бы большая часть ихъ была попечительнѣе и пользовалась, Творцемъ дарованными, сокровищами.

Я видѣлъ большую часть Малороссіи, видѣлъ всю Полтавскую Губернію, — и всегда называю ее съ Линнеемъ *прекраснѣйшею, но мало обработанною страною* (*).

Благорастворенный воздухъ и плодородныя земли давали бы жителямъ здѣшнимъ право называться любимыми дѣтьми природы; ежели бы она многихъ изъ нихъ нелишила нужнѣйшей къ благосостоянію человѣка добродѣтели — трудолюбія, а чрезъ то и средствъ быть богатыми.

Бѣдность Малороссійскаго народа на каждомъ шагѣ ощутительна; особливо для того, кто видитъ, что она происходитъ отъ безпечности

(*) Systema naturae.

и увеличивается мнимымъ источникомъ богатства здѣшнихъ поселянъ, т. е. свободою винокуренія, которая отвлекая ихъ отъ работы, доставляетъ всегда средства удобно и за дешевую цѣну имѣть вино.

Женской полъ здѣсь трудолюбивѣе мужескаго. Малороссіянки не только заботятся о малюткахъ и старикахъ, не только пекутся о приуготовленіи всего нужнаго для домашней жизни; но и отправляютъ работы мужчинъ, съ которыми живутъ онѣ въ согласіи, исполняя желанія и волю ихъ, небудучи однакожъ въ рабскомъ повиновеніи.

Нѣкоторые обвиняютъ Малороссіянъ въ гордости и непокорливости; другіе приписываютъ имъ злопамятность и лукавство.

Боюсь повторить мнѣніе послѣднихъ; но скажу тоже, что первые утверждаютъ: ибо свойства, ими

замѣчанныя, показываютъ остатокъ древняго духа.

Малороссіяне имѣютъ много добродѣтелей; но имѣютъ и пороки также, какъ всѣ народы. Однакожъ мы большею частію, незамѣчая въ нихъ первыхъ, обращаемъ вниманіе на послѣдніе. Причиною тому, кажется, недостатокъ въ ласковости и обходительности, которыя всегда привлекаютъ насъ и предупреждаютъ съ перваго взгляда въ пользу людей, ими одаренныхъ.

Терпѣніе жителей здѣшнихъ достойно удивленія; но бойся вывести ихъ изъ онаго, бойся раздражить ихъ.

Къ сожалѣнію я долженъ заключить описаніе нравственности Малороссіянъ непріятною чертою; къ сожалѣнію я долженъ наконецъ тебѣ сказать о ненависти ихъ къ

Великороссіянамъ. Ты легко можешь здѣсь въ томъ удостовѣриться, ибо часто услышишь ихъ говорящихъ: *Добрый чоловикъ, да Москаль.*

Но сего еще мало! Они переливаютъ чувство сіе въ самыхъ малюпокъ и пугаютъ ихъ *Москалями.* При семъ имени устрашенное дитя перестаетъ кричать.

Еще повторю тебѣ: пробѣги бытописанія Малороссіи; ты, можетъ быть, найдешь въ нихъ источникъ сего ужаснаго и пагубнаго чувства.

Суевѣрія и предразсудки, которымъ подвержены Малороссіяне не могутъ быть названы пороками потому, что они общи всѣмъ вѣкамъ и всѣмъ племенамъ; потому что всѣ люди, особливо непросвѣщенные заражены ими; потому что нѣтъ народа столь счастливаго,

которой бы ихъ не имѣлъ. Волтеръ почти справедливо думалъ, называя суевѣріе Эпидемическою болѣзнію, которую часто ощущаютъ и самыя твердыя души (*).

Согласись сомною и не требуй отъ меня описаній тѣхъ странныхъ, смѣшныхъ и иногда достойныхъ сожалѣнія обрядовъ, которые Малороссіяне получили или отъ предковъ нашихъ, идоламъ поклонявшихся, или отъ чужеземныхъ народовъ. Не любопытствуй о праздникахъ Коляды, Купала и другихъ. Не заставляй меня разсказывать тебѣ, какъ душа человѣческая, по мнѣнію жителей здѣшнихъ, должна, разлучась съ тѣломъ, странствовать и омываться, доколѣ очистится. Не спрашивай меня о колдунахъ, оборотняхъ, вѣдьмахъ, домовыхъ,

(*) Oeuvres de Voltaire.

и объ ужасѣ, которой наводятъ они не образованнымъ просполюдинамъ.

Забудемъ ето, и обратимся къ физическимъ качествамъ Малороссіянъ.

Наружность ихъ имѣетъ въ себѣ нѣчто важное; умныя лица и усы, при крѣпкомъ сложеніи, обритой бородѣ и высокомъ ростѣ, придаютъ имъ величественной видъ. Жаль что они неповоротливы.

Статныя, плотныя, по большей части темнорусыя и круглоликія Малороссіянки вообще не дурны, хотя красотки между ими рѣдки.

Малороссіяне, какъ кажется, нѣсколько чувствуютъ красоту въ Архитектурѣ. Ихъ вкусъ довольно образованъ природою.

Деревни ихъ, разположеныя большею частію на горахъ, у подошвы которыхъ текутъ рѣки, или на прекрасныхъ долинахъ, и дома, выбѣленные какъ снаружи, такъ и внутри,

представляютъ издали прекрасной видъ.

Они живутъ хорошо, чисто и опрятно. Избы ихъ или *хаты* суть прекрасныя комнатки, просто, но хорошо убранныя, и раздѣленныя большою частію на двѣ половины. Пѣчи, съ трубами въ нихъ сдѣланныя, предохраняютъ отъ дыма.

Малороссіяне въ пищѣ разборчивы и умѣютъ со вкусомъ приуготовлять ее. Природныя ихъ кушанья: — вареники, галушки, жирной борщь, очень вкусны. Къ тому же замѣть, что пища, оставшаяся отъ обѣда, не употребляется ими въ ужинѣ; но варится свѣжая.

Охота ихъ къ простымъ картинамъ, которыми убираютъ комнаты, показываетъ что они любятъ живопись.

Пляска Малороссіянъ стройна и прекрасна. Пѣсни ихъ нѣжны, выразительны и по большей части протяжны. Иго, которое носили они нѣсколько столѣтій, оставило сію унылость.

О голосахъ ихъ нечего тебѣ говорить. Гибкостію, чистотою и пріятностію оныхъ они превзошли почти всѣхъ жителей Россіи. Ты знаешь, что придворная музыка пѣвческая составлена почти изъ однихъ Малороссіянъ.

Теперь нѣсколько словъ объ языкѣ Малороссійскомъ.

Онъ происходитъ отъ древняго Славянскаго, но смѣшанъ съ Нѣмецкими, Латинскими и Польскими, перековерканными словами; отъ чего дѣлается почти не понятнымъ Великороссіянину. По множеству иностранныхъ выраженій и особенныхъ оборотовъ составляетъ самое отдаленнѣйшее нарѣчіе языка Россійскаго.

Онъ хотя и не имѣетъ правилъ, однакожъ немногіе ученые Малороссіяне употребляютъ его въ сочиненіяхъ. Перелицованная Энеида, — прекраснѣйшее въ своемъ родѣ произведеніе, служитъ тому доказательствомъ.

При всемъ томъ, до сего времени онъ составляетъ языкъ народа. Но ежели геніи здѣшней стороны обратятъ на него вниманіе свое и образуютъ оной, ограничивъ положительными правилами грамматики; тогда Малороссіяне въ славѣ ученыхъ произведеній своихъ, можетъ быть, будутъ состязаться съ просвѣщеннѣйшими народами Европы.

Тщетна надежда сія; ибо нѣтъ побудительныхъ причинъ и самая малая возможность къ составленію языка изъ нарѣчія, оставленнаго почти всѣми образованными коренными жителями здѣшней стороны.

ПИСЬМО 23.

Борисполь.

Отъ Переяслава до Борисполя 45 верстъ. Мы ихъ проѣхали очень скоро и весело по прекрасной гладкой дорогѣ, которая съ обѣихъ сторонъ обсажена высокими деревьями.

Благотворная тѣнь ихъ, не скрывая отдаленныхъ сельскихъ видовъ, прельщающихъ взоры путешественника, придаетъ еще болѣе красоты зеленымъ лугамъ и желтѣющимъ полямъ, представляя ихъ разнообразными въ промежуткахъ. Изъ за нихъ, сидя въ коляскѣ смотрѣли мы на поселянокъ, которыя жали хлѣбъ, и на поселянъ, которые накладывали тучные колосья на возы запряженные волами. Но болѣе всего обратили мы вниманіе наше на множество богомольцевъ, идущихъ въ Кіевъ.

Они благословляютъ насадившихъ сіи деревья, которыя тѣнію своею укрываютъ ихъ на дорогѣ отъ зноя, и подъ защитою которыхъ одни изъ нихъ, бросившись на траву, въ глазахъ нашихъ засыпали отъ усталости; другіе подкрѣпляли изнуренныя силы свои кускомъ хлѣба, вынутаго изъ котомки и глоткомъ воды, которую несли въ маленькихъ глиняныхъ кувшинчикахъ.

Участь ихъ, съ перваго взгляда, достойна сожалѣнія; но она менѣе кажется таковою въ ихъ собственныхъ глазахъ, ибо теплая вѣра вела ихъ изъ отдаленной стороны къ святымъ мѣстамъ. Они уже приходили къ окончанію своего путешествія; они уже приближались къ цѣли своихъ желаній; имъ оставалось малое разстояніе до Кіева, и они съ радостію спѣшили туда, дабы повергнуться предъ неплѣнными ос-

тапками угодниковъ Божіихъ и предъ храмами, въ честь Всевышнему воздвигнутыми.

Зной лучей солнечныхъ уже переставалъ палить, свѣтило дневное уже покатилось по лазуревому небосклону за горы, когда мы выѣхали изъ Переяслава, предполагая остановиться въ 7 верстахъ отъ онаго и взглянуть на три кургана именуемые: *три брата*. Мы исполнили свое предпріятіе и еще съ большимъ удовольствіемъ, нежели думали.

Почтенной, привѣтливой и добрый Преосвященный Переяславскій, которой ѣхалъ изъ загороднаго своего дома, встрѣтился съ нами противъ самыхъ тѣхъ кургановъ. Вмѣстѣ съ нимъ взошли мы на средній изъ нихъ и провели около часа въ пріятныхъ разговорахъ

и въ разсматриваніи окрестностей бѣлѣющаго вдали Переяслава.

Упухающая заря ускорила нашу разлуку. Мы сѣли въ коляску, Преосвященный благословилъ насъ, и мы помчались.

Описаніе пріятной встрѣчи отвлекло меня отъ самыхъ кургановъ; а вы вѣрно желаете знать, отъ чего они получили свое названіе?

Къ сожалѣнію, я удовлетворю ваше любопытство однимъ только пустымъ преданіемъ о какой то здѣшней царицѣ, къ которой приходили на помощь противъ непріятелей ея три брата богатыря, убитые и похороненные здѣсь.

Можетъ быть тутъ дѣйствительно покоится прахъ великихъ мужей; но имена ихъ сокрыты и

мы слышимъ вмѣсто громкой славы только сказки. Такова участь многихъ! Мармонтель справедливо сказалъ: Истинна оставшаяся въ простомъ народѣ всегда теряется въ потопѣ басень.

Мы теперь въ Борисполѣ; темнота ночи остановила насъ. Мы пробудемъ здѣсь до разсвѣта. Прощайте! Перо валится изъ рукъ, глаза смыкаются; — я засыпаю.

ПИСЬМО 24.

Кіевъ.

Лишь только день началъ показываться, лишь алая заря освѣтила востокъ, мы оставили *Борисполь*, и тройка борзыхъ лошадей, исправно погоняемая ямщикомъ, быстро помчала насъ къ Кіеву.

Багровое зарево возвѣщало намъ появленіе феба, мрачныя тѣни из-

чезали, солнце начинало восходить. Первые лучи его падали на вершины Заднѣпровскихъ горъ, скользили по скату ихъ, раздроблялись объ утесы и преломлялись въ волнахъ быстраго Днѣпра. Утро было прекрасное, воздухъ чистъ и свѣжъ, тучи не потемняли небосклона. Первой блескъ свѣтила дневнаго озлащалъ поля, покрытыя желтыми колосьями созрѣвшаго хлѣба, разливался разноцвѣтными лучами въ блестящихъ каплякъ сребристой росы, проникалъ сквозь густоту деревъ и освѣщалъ дорогу нашу, осѣненную съ обѣихъ сторонъ тѣнистыми ивами.

Свѣтъ ежеминутно умножался, лучи безпрестанно сгущались, величественное свѣтило выкатывалось изъ за горъ. Наконецъ оно совершенно взошло, — и животворный блескъ его вездѣ разсыпался. Все

приняло новый видъ, все оживилось. Въ одной сторонѣ показались поселяне, которые съ новою бодростію, съ новою силою начинали жать; въ другой зазвучалъ рожокъ; въ дали забѣлились окрестныя деревни надъ которыми кое — гдѣ клубился дымъ.

Отъѣхавши 15 верстъ, мы увидѣли Кіевъ; увидѣли — и изумились величественнымъ зрѣлищемъ высокой и крутой горы, на которой посреди многихъ златоглавыхъ церквей и едва видимаго въ отдаленіи города, возвышался ужаснѣйшей величины колоссъ, блистающая вершина коего, казалось, была сокрыта въ облакахъ. Густой туманъ носился у подошвы ея. Видъ города, въ которомъ предки наши получили первое понятіе о всемогущемъ Творцѣ; видъ храмовъ Божіихъ, скрывающихъ въ себѣ столько священнаго,

и торжествующая при возхожденіи солнечномъ природа возбудили во мнѣ высокія и пріятныя чувствованія. Величественная мысль о Существѣ все сотворившемъ занимала душу мою, и между тѣмъ, какъ я терялся въ постиженіи неизмѣримой благости и всемогущества Творца, Кіевъ скрылся; а мы пріѣхали въ *Бровары*, гдѣ должно было перемѣнять лошадей!

Оставалось 19 верстъ. Это часъ ѣзды, думалъ я, и перенесясь воображеніемъ въ прежнюю столицу отечества нашего, мысленно осматривалъ достопримѣчательности ея; любовался мѣстоположеніемъ; съ почтеніемъ взиралъ на памятники древности; воспоминалъ воинственныхъ предковъ нашихъ, которые на борзыхъ коняхъ, съ булатными мечами, въ блестящихъ панцыряхъ

и шлемахъ являлись сюда на защиту отечества; внималъ, казалось, словамъ громогласнаго Баяна, который носился соловіемъ по деревьямъ, сѣрымъ волкомъ поземлѣ, сизымъ орломъ подъ облаками. (*) Мечтанія мои изчезли, когда я увидѣлъ что лошади насилу могли насъ тащить; но вытянувъ шеи, едва тащились по глубокому песку, между ужасными соснами, можетъ быть, современными міру.

Мы ѣхали два часа съ половиною, и во все это время ничего невидали, кромѣ густаго, мрачнаго бора; ничего неслыхали, кромѣ свиста ямщиковъ, которые погоняли лошадей. Золотыя главы изрѣдка блестѣли, городъ показывался, — и все опять исчезало. Природа какъ бы нарочно

(*) Такъ выражается сочинитель пѣсни о походѣ Игоря на половцевъ.

разосплала мрачную завѣсу сію для того, чтобы придать болѣе величія и красоты древней столицѣ Руской.

Наконецъ мы опять увидѣли разительную и величественную картину Кіева.

Онъ возносится на хребтѣ высокой и крутой горы, усѣянной кустарникомъ и имѣющей до 50 сажень отвѣсной высоты. Быстрый Днѣпръ, покрытый нагруженными байдаками съ развѣвающимися парусами, омываетъ подошву ея. Бѣдныя хижины, разсѣянныя въ кустарникѣ, бѣлѣютъ по скату ея. Печерская крѣпость, церкви съ золотыми, ослѣпляющими глаза куполами, и огромная колокольня вѣнчаютъ вершину ея.

Говорить утвердительно о построеніи Кіева, — значилобы избрать одно изъ извѣстныхъ о семъ мнѣній и опровергнуть прочія. Избирайте

изъ нихъ сами. Вотъ онѣ: Несторъ приписываетъ построеніе онаго Кію; Татищевъ, полагая основаніе Кіева до Р. Х. производитъ названіе его отъ слова *Киви* (на Сармацск. языкѣ *горы*). Ежели хотите слѣдовать Волтеру, (*) то вы должны почитать основателями Кіева Императоровъ Константинопольскихъ. (**)

ПИСЬМО 25.

Кіевъ.

Дзе не надобноли вамъ золотыхъ вещей? Дзе не угодноли какихъ нибудь товаровъ? Дзе не при-

---

(*) Histoire de Russie sous Pierre le grand.

(**) Константинъ Багрянородный называетъ Кіевъ *Самматасъ*. Подъ именемъ города *Кіамы*, встрѣчающагося у Византійскихъ Историковъ, надобно, помнѣнію Стриттера, разумѣть Кіевъ же.

кажетели куда сходить или чего искать? кричали одинъ задругимъ 16 Жидовъ, пришедшіе къ намъ чрезъ 10 минутъ по пріѣздѣ въ Кіевъ. Долго вертѣлись они около меня, и я нашелся принужденнымъ купить у нихъ нѣсколько мѣдныхъ вещей за золотыя. Вслѣдъ за ними явилась беззубая Нѣмка съ духами, порошками и мыломъ; потомъ два или три разнощика со всякою всячиною.

Нѣсколько рублей освободили насъ отъ нихъ. Мы спокойно пообѣдали и пустились бродить по городу. Кривая, довольно грязная улица, унизанная по обѣимъ сторонамъ вывѣсками различныхъ ремесленниковъ, привела насъ на большую площадь, которая, какъ кажется, составляетъ украшеніе города. Тамъ дворецъ, тамъ присутственныя мѣста, тамъ 2 или 3 прекрасныхъ дома частныхъ людей, тамъ рядъ молодыхъ березокъ, изъ за которыхъ синѣетъ Днѣпръ и отдаленныя окрестности Кіева. Мы пробѣжали мимо ихъ, вошли въ дворцовой садъ, скрылись въ тѣни густыхъ деревьевъ и, утомленные зноемъ солнечнымъ, бросились отдыхать въ бесѣдку.

Я любовался прекрасными картинами природы; смотрѣлъ на обширную, усѣянную густымъ лѣсомъ и изрѣдка изпещренную крестьянскими домиками равнину, на Днѣпръ, покрытый байдаками быстро несущимися по немъ, и на прекрасной *Подолъ* или нижній Кіевъ, который кажется плывущимъ въ волнахъ Днѣпровскихъ. Долго сидѣлъ я на одномъ мѣстѣ, поражен-

ной разнообразіемъ, величествомъ и красотою предмѣтовъ; наконецъ вскочилъ, скорыми шагами вышелъ изъ сада и очутился близъ того мѣста, гдѣ за нѣсколько вѣковъ предъ симъ лучь Божества озарилъ сыновей Владиміровыхъ, гдѣ крестились они, и гдѣ общество жителей Кіевскихъ, признательное къ благодѣяніямъ АЛЕКСАНДРА Благословеннаго, воздвигло памятникъ. Словомъ я увидѣлъ *Крещатикъ*, изъ котораго бьетъ небольшой фонтанъ, приведенный въ средину деревяннаго обелиска, надъ нимъ поставленнаго.

Памятникъ очень простъ; въ немъ нѣтъ ни мрамора, ни великолѣпія; въ немъ не видно и искуства, а одна только скромная надпись, возвѣщающая усердіе Кіевскихъ гражданъ, воздвигнувшихъ оной

АЛЕКСАНДРУ Первому за возобновленіе древнихъ правъ сего города.

Здѣсь оканчивается часть города, называемая *Печерскою*. Отсюда начинается *Подолъ*, расположенной по берегу Днѣпра у подошвы горы, на которой возвышается *древній* Кіевъ.

Подолъ, назадъ тому четыре года, былъ почти весь испребленъ ужасными и безпрерывными пожарами. Теперь большая часть строенія возобновлена и едва ли не лучше прежняго; однѣ только разрушенныя и развалившіяся церкви напоминаютъ опустошеніе и несчастія. Строеніе стараго Кіева нехорошо, но тамъ всѣ памятники древности. Печерская крѣпость съ ея предмѣстіемъ есть лучшая часть города.

Я видѣлъ весь Кіевъ, и смѣло могу сказать, что красота его ни мало

несоотвѣтствуетъ прежнему величію, что нынѣшній Кіевъ нельзя сравнить съ древнимъ, въ которомъ одинъ пожаръ истребилъ до 600 церквей; — съ Кіевомъ, которой еще въ 9 столѣтіи былъ средоточіемъ торговли Варяжскаго и Чернаго моря; въ которой пріѣзжали для торга нетолько сосѣдственные народы, но Римляне, Сиріяне, Греки, и другіе привозившіе товары, изъ Индіи, Персіи и Египта (*) Войны, разоренія и пожары истребили величіе его; однакожъ онъ и теперь не можетъ быть причисленъ

(*) Синопсисъ, Fischers Geschichte des Deutschen Handels, Татищева Исторія, Малороссійской лѣтописецъ, Извѣстія Византійскихъ историковъ и Дитмаръ. Также описаніе Россійской Коммерціи Чулкова.

къ дурнымъ городамъ. Въ немъ мало огромныхъ строеній; но много хорошихъ, хотя небольшихъ домовъ, которые, будучи расположены на прекрасныхъ мѣстахъ, останавливаютъ и прельщаютъ глаза.

ПИСЬМО 26.

Кіевъ.

Мы съ Б.... сей часъ пришли изъ собора Софійскаго. Вотъ церковь, служащая памятникомъ храбрости предковъ нашихъ! Она построена Ярославомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ разбилъ и разсѣялъ Печенѣговъ (*).

(*) Великая ЕКАТЕРИНА говоритъ, что она построена Ольгою, а Ярославомъ возобновлена. Но зная не преклонной и грубой нравъ Святослава, трудно повѣрить, чтобъ онъ позво-

Мысль достойная великаго человѣка! Памятнихъ величественный и прекраснѣйшій!

Она была прежде подобна Константинопольскому (*) Софійскому собору. Теперь наружность ея измѣнилась; однакожъ она довольно величественна. Одинадцать главъ возвышаются надъ кровлею ея, осьмнадцать придѣловъ видны во внутренности.

Мусія или мозаикъ и гробница Ярослава возвѣщаютъ древность сей церкви. Первая, украшающая весь олтарь икуполъ, изображаетъ Богородицу и 12 Апостоловъ. Вторая воздвигнута изъ бѣлаго мрамора съ

лилъ Ольгѣ строить церкви, когда не позволялъ имѣть ей священника. Несторъ на стр. 59 говоритъ: *сѣдо имущи пресвитера въ тайнѣ. Сей похорони блаженную Ольгу*

(*) Синопсисъ стр. 88.

различными древними изображеніями. Она казалась нѣкогда отличнымъ произведеніемъ художника, но насъ одна только древность заставляетъ со вниманіемъ разсматривать ее.

Теперь нѣсколько словъ о Митрополитѣ Кіевскомъ.

Онъ живетъ близъ Софійскаго собора. Мы были у него и провели около часа въ пріятной бесѣдѣ. Отличный умъ, ласковость и ревность къ должности суть достоинства сего почтеннаго Мужа

Я спрашивалъ его о нѣкоторыхъ памятникахъ древности, и съ удовольствіемъ узналъ отъ него, что остатки, или лучше сказать, признаки церкви *Святой Ирины*, близъ которой погребенъ Диръ (*) и ко-

(*) Несторъ на стр. 19 говоритъ. *На могилѣ Оскольда поставилъ церковъ Святаго Николу, а Дирова могила за Святою Ириною.* Шлецеръ съ

торую я искалъ по всему Кіеву, находящся въ Митрополичьемъ саду. Ее построилъ Ярославъ во имя супруги своей Ирины или Ильдегерды, дочери Короля Шведскаго, и какъ говоритъ сочинитель Синопсиса, имянно близь Софійскаго собора.

ПИСЬМО 27.

Кіевъ.

Гдѣ тысячи народа, изъ Сѣверныхъ и Южныхъ странъ Россіи притекающіе, славословятъ Творца вселенной, гдѣ блестятъ золотые верхи храмовъ Божіихъ, гдѣ возвышается Успенской соборъ и Печерская колоколня, — тамъ зеленѣлъ прежде ужасной лѣсъ, тамъ рыкали дикіе

нимъ согласенъ, но Байеръ и Татищевъ утверждаютъ что Оскольдъ имя, а Диръ званіе или достоинство.

звѣри! Въ семъ жилищѣ ужаса, въ тѣни деревьевъ современныхъ міру Иларіонъ выкопалъ пещеру и, въ удаленіи отъ людей, приходилъ проводить въ ней каждой день по нѣскольку часовъ въ бесѣдахъ съ Богомъ. Антоній переселился въ уединеніе его; пришедшіе къ нему отшельники распространили пещеру; а Ѳеодосій основалъ надъ оною церковь и монастырь. Пріемники его окончили строеніе, — и въ 1089 году на мѣстѣ прежней пустыни явился великолѣпный храмъ, въ коемъ сіяло золото, сверкали драгоцѣнные каменья, блистало искуство; на верху коего (по свидѣтельству Синопсиса) былъ воздвигнутъ изъ чистаго золота огромной крестъ. Неистовый Батый пришелъ въ Кіевъ — и монастырь Печерской исчезъ; все было разорено, разграблено, опус-

тошено; оставались одни развалины.

Усердіе къ вѣрѣ нѣсколько разъ возобновляло оной, но нападенія непріятелей и пожары разрушали труды и старанія. Наконецъ явился Великій ПЕТРЪ — и лавра Печерская возобновилась; протекло столѣтіе — и несмѣтныя сокровища показались въ ней

Высокая каменная стѣна теперь ограждаетъ ее. Великолѣпные ворота, украшенные изображеніями Святыхъ, открываютъ входъ въ нее; деревянной помостъ, обсаженной каштанами и Грецкими орѣхами, ведетъ во внутренность ея. По немъ приближились мы съ Б. и Я. И. Б. къ Успенскому собору и вошли въ него. Ослѣпленный золотомъ, восхищенный стройнымъ древнимъ Русскимъ пѣніемъ и пораженный зрѣли-

щемъ молящагося народа, я поспѣшилъ принести теплыя мольбы ко Всевышнему.

По окончаніи обѣдни мы прикладывались къ образу Успенія Божіей Матери. (*) Живопись его соотвѣтствуетъ XI вѣку, но золотая риза, прекрасные изумруды и аметисты, кажется, украшаютъ оной съ недавняго времени. Онъ занимаетъ мѣсто надъ Царскими дверьми, которыя вылиты изъ чистаго серебра и принесены въ даръ Лаврѣ Печерской Графомъ Шереметьевымъ.

Серебреной вызлащенной престолъ, въ которомъ около 9 пудовъ вѣсу, воздвигнутъ усердіемъ ЕЛИСАВЕТЫ I; а таковой же жертвенникъ

(*) Оной принесенъ, по увѣренію Патерика, въ 1073 годѣ строителями церкви Успенія.

сооруженъ подаяніями ревностныхъ богомольцевъ.

Дискосъ со звѣздою, золотыя блюды и копье съ золотою рукоятью присланы Императрицею АННОЮ. Два Евангелія подарены ПЕТРОМЪ Великимъ.

Большое серебряное паникадило и золотая лампада, осыпанная бриліантами съ бриліантовою же кистію есть жертва великой ЕКАТЕРИНЫ.

Серебряная гробница Ѳеодосія, серебряная рака Михаила, золотые сосуды и множество драгоцѣнностей, суть подаянія усердныхъ сыновъ церкви.

Вотъ что замѣтилъ я въ Успенскомъ соборѣ! Не берусь вычислять всѣхъ сокровищъ Лавры, которая прежде владѣла десятками тысячь душъ, во власти коея состояли богатѣйшіе монастыри и даже городъ Васильковъ; — Лавры, которая ежегодно обогащается новыми приношеніями.

Она считается первою между Россійскими монастырями. Древность и благоговѣніе къ оной народа даютъ ей на то право. Она прежде была подъ властію Патріарховъ Константинопольскихъ, а теперь подчинена Святѣйшему Синоду, однакожъ съ особыми преимуществами. Двѣнадцать почетнѣйшихъ монаховъ составляютъ въ ней совѣтъ, которой разбираетъ дѣла. Архимандриту ея позволено осѣнять обѣими руками, носить митру со крестомъ, и мантію съ изображеніемъ на скрыжаляхъ Святыхъ Антонія и Ѳеодосія, какъ первыхъ основателей Лавры.

Печерская Лавра скрываетъ въ себѣ также прахъ многихъ великихъ людей.

Гипсовой монументъ, изображающій героя, на одрѣ подъ балдахиномъ лежащаго, первый напоминаетъ, что здѣсь покоятся останки Князя Острожскаго, который защищая свободу народа Малороссійскаго, покровительствуя Религію ихъ, помогая бѣднымъ, разпространяя просвѣщеніе и храбро поражая враговъ, заслужилъ имя великаго мужа и названіе друга человѣчества. Здѣсь же истлѣли и тѣ длани, которыя метали побѣдоносные громы на поляхъ Кагульскихъ; здѣсь же разрушился бренной составъ того витязя, которой съ отрядомъ мужественныхъ Россіянъ первый потрясъ царство гордаго Музульма-

нина и разсѣялъ многочисленныя ополченія его.

Великолѣпный, хотя не прекрасный, памятникъ, въ честь ему воздвигнутый, украшается, изъ бѣлаго мрамора высѣченнымъ изображеніемъ его и золотою надписью:

Внемли Россѣ!
Предъ тобою гробъ Задунайскаго.

Что можетъ быть величественнѣе, разительнѣе сихъ словъ? Я знаю кто былъ Задунайскій, помню дѣла его, чту память, преклоняю голову и стократно повторяю: Миръ праху Твоему великій мужъ!

Памятникъ сей достоинъ Румянцова, достоинъ сего великаго полководца воинствъ Рускихъ; но не подрагоцѣнности мрамора, не по изяществу работы художника; достоинъ его потому, что шесть

Офицеровъ, сражавшихся за отечество и не имѣющихъ убѣжища, находятъ при немъ покойное пристанище. Каждой изъ сихъ получаетъ ежегодно 1000 руб., и обязанъ во время панихидъ присудствовать при гробѣ Задунайскаго. Установленіе сіе, сдѣланное Графомъ Николаемъ Петровичемъ Румянцовымъ безсмертно, и по прекращеніи рода его должно остаться на отчетѣ думы ордена Св. Георгія.

Вотъ памятникъ достойный Задунайскаго! Вотъ мысль достойная сына его!

Я пробѣжалъ мимо того мѣста, гдѣ похороненъ Князь Долгорукій, Кіевской Генералъ Губернаторъ Леонтьевъ, Архимандритъ Печерской Зосима Валькевичь; но остановился близъ камня, подъ которымъ сокрыты Искра и Кочубей, — жертва

любви къ отечеству, вѣрности къ Государю и любости Мазепы. Со вздохомъ имъ поклонился и списалъ надпись:

Кто еси мимо грядый о насъ невѣдущій
Елице здѣ естесмо положенны сущи,
Понеже намъ страсть и смерть повелѣ молчати,
Сей камень возолїетъ о насъ ти вѣщати,
И заправду и вѣрность къ Монарсѣ нашу
Страданїя и смертн испыймо чашу
Злу даньемъ Мазепы, все вѣчно правы
Посѣчены заставше топоромъ во главы,
Почиваемъ въ семъ мѣстѣ матери владычни,
Подающїя всѣмъ своимъ рабомъ животъ вѣчный.

Она высѣчена за 100 лѣтъ предъ симъ и не краснорѣчива, но разительна. Вы знаете, что сіи несчастные погибли невинно.

Окинувъ взорами высокую Печерскую колокольню, осмотрѣвъ кельи

монашескія, осѣненныя тѣнію деревьевъ растущихъ подъ ихъ окнами, взлянувъ на часы солнечные, показывающіе время почти во всѣхъ мѣстахъ вселенной; — мы сошли по широкому каменному помосту къ подземному жилищу первыхъ пустынниковъ.

Монахъ былъ путеводителемъ нашимъ. Онъ ввелъ насъ въ узкую, длинную, низкую и изкривленную пещеру, по обѣимъ сторонамъ которой покоятся мощи Святыхъ и видны окошечки, за коими подвизалися затворники; а на стѣнахъ, невѣроятно твердыхъ и отъ свѣчей закоптившихся, бѣлѣютъ вырѣзанныя имена посѣщавшихъ сіи мѣста. Ежели вы будете въ нихъ когда нибудь, то ищите имя друга вашего. Вы найдете оное на стѣнѣ, ножемъ дважды нацарапанное.

Я говорю объ *Антоніевой* или такъ называемой *ближней* пещерѣ, въ которой первымъ предметомъ для глазъ нашихъ былъ гробъ преподобнаго Антонія, обложенный серебряными вызлащенными досками и скрывающій мощи его. Тутъ же и церковь во имя его. Потомъ видѣли мы нетлѣнныя тѣла Княжны Ольшанской, Нестора Лѣтописателя, Іоанна многострадальнаго, 12 строителей Успенскаго собора, Князя Черниговскаго Николы Святоши, Ильи Муромца, Марка Гробокопателя, Меркурія, Ефрема Епископа Переяславскаго, нѣсколько Мироточивыхъ главъ и много другихъ. Словомъ 73 мощей.

Дальняя пещера, отдѣленная отъ *ближней* большимъ оврагомъ, называется *Θеодосіевою*. Въ ней мощи Князя Θеодора Острожскаго, Евфросиніи Игуменьи Полоцкой, Типа

воина, Меркурія Постника, Ахилла и еще нѣсколько. Всѣхъ не помню, но знаю что число оныхъ простирается до 45.

Обѣ пещеры сіи подходятъ къ самому берегу Днѣпра, и гора, подъ которою они вырыты, обрушается. Правительство хотя и обратило на сіе вниманіе свое; однакожъ не смотря на то, нѣкоторыя мѣста развалились; въ другихъ показалась вода.

Типографія Лаврская очень хороша и обширная. Она заведена Княземъ Осторожскимъ (*) и имѣла Греческія, Латинскія, Нѣмецкія и Глаголическія буквы (**) Первая книга въ ней напечатана въ 1613 годѣ (***).

(*) Исторія Рос. Іерархіи и описаніе Кіевопечер. Лавры.

(**) Опытъ Рос. Библіографіи Сопикова.

***) Бакмейстеръ.

Крѣпость Печерская, окружающая Лавру, заложена собственною рукою великаго Петра. Она не приступна со стороны Днѣпра. Природа ее сдѣлала такою; но прочіе фасы ея не безопасны. Притомъ она имѣетъ *господствующія* надъ собою высоты, которыя однакожъ за три года предъ симъ заняты новыми укрѣпленіями.

Въ ней огромной и величественный арсеналъ, наполненный оружіемъ, которое можетъ быть достаточно для вооруженія нѣсколькихъ десятковъ тысячъ воиновъ. Тамъ хранится все нужное къ употребленію противъ нарушителей спокойствія нашего.

ПИСЬМО 28.

Кіевъ.

Съ благоговѣніемъ въ душѣ, съ бодростію въ тѣлѣ, вставши рано по утру, отправился я сего дня въ *Старой* Кіевъ (*). Нетерпѣніе ускорило шаги мои, — и я очутился скоро близь церкви Святаго Архистратига Михаила.

Она построена Святополкомъ II Изьяславичемъ въ 1108. Златая глава и мозаикъ украшали ее тогда. Первая блеститъ и теперь, вторая изчезла отъ времени.

Въ сей церквѣ покоятся мощи Святой Великомученицы Варвары, которая кровію и жизнію запечатлѣла любовь свою къ Богу; которая съ терпѣніемъ сносила мученія люттѣйшаго изъ отцовъ отца своего; которой духъ воспарилъ въ

(*) Я жилъ въ *Печерскомъ*.

Горняя, а тѣло осталось невредимо на землѣ.

Она рождена идолопоклонницею; мысль объ истинномъ Божествѣ была для нее чужда въ младенчествѣ; никто не напомянулъ ей о Творцѣ: но она познала Его и поклонилась Ему.

Природа возвѣстила ей бытіе высочайшаго Существа, разумъ возрадилъ въ ней понятіе о Создателѣ. Вселенная, порядокъ ея, связь всего въ ней существующаго, благотворное сіяніе солнца, сребристой блескъ луны, необозримое пространство земли, волны быстрыхъ водъ, гулы грома, небо усѣянное сверкающими звѣздами: все возглашало ей премудрость Творца, все поражало душу ея, все наполняло ее восторгомъ. Она не могла быть равнодушною къ симъ впечатлѣніямъ, и въ упоеніи

чувствъ, въ превыспреннемъ пареніи души, въ священномъ изступленіи своемъ произнесла хвалебные гласы во славу Виновника, все сотворшаго.

Отецъ варваръ не истребилъ въ ней священнаго пламени любви къ Богу; отецъ извергъ не утушилъ воскурившійся въ сердцѣ ея фиміамъ Богопочитанія. Она принесла себя въ жертву Всевышнему и получила нетлѣнный вѣнецъ безсмертія. Отецъ изтерзалъ тѣло ея, но духъ вознесся къ престолу Вѣчнаго деньми.

Мощи ея перенесены въ Кіевъ изъ Константинополя дочерью Греческаго Императора Алексѣя Комнина (*), бывшею въ супружествѣ

(*) Житіе и страданія Св. Великомученицы Варвары.

за великимъ Княземъ Святополкомъ. Усердіе соорудило надъ оными богатой балдахинъ, а Великая ЕКАТЕРИНА принесла въ даръ золотое паникадило, украшенное драгоцѣнными каменьями.

Я искалъ памятника надъ прахомъ Святополка, здѣсь погребеннаго; но не нашелъ даже и того мѣста, въ которомъ изтлѣлъ онъ.

Живопись образовъ сей церкви хотя несоотвѣтственна вѣку нашему, но довольно разительна.

Ежели вы принимаете участіе въ страданіяхъ Великомученицы Варвары; ежели вы хотите видѣть спокойствіе, съ которымъ Святая дѣва сія умирала подъ руками палачей и отца своего; ежели вы желаете быть свидѣтелями той минуты,

въ которую добродѣтельная душа освобождается отъ оковъ страстей и міра; ежели вы, говорю, расположены чувствовать всю силу и сладость религіи: взгляните на иконостасъ Михайловскаго собора, взгляните на свѣтлый, святостію сіяющій взоръ Святой Варвары, которую терзаетъ свирѣпѣйшій изъ людей и безчеловѣчные исполнители воли его; взгляните на звѣря, носящаго образъ человѣческой, но люпѣйшаго изъ всѣхъ звѣрей; словомъ, взгляните на отца ея, и замѣчайте ярость, которая сверкаетъ во взорахъ его; смотрите на адскую улыбку, которая возвѣщаетъ, что алчное мщеніе его насыщается кровію дочери.

ПИСЬМО 29.

Кіевъ.

Не удивительно, что бесѣда съ умными и учеными людьми приноситъ намъ пользу. Иногда простой поселянинъ откроетъ то, чего мы сами, можетъ быть, никогда бы не узнали. Я это испыталъ сего дня.

Прохаживаясь съ А.....мъ по берегу Днѣпра, и смотря на выгружаемыя барки, мы занялись разговоромъ съ бурлаками. Описывая жизнь свою, удовольствія оной и трудности, они непримѣтно разсказали намъ почти весь ходъ торговли по Днѣпру. Умной и бойкой купецъ, — хозяинъ барокъ, подтвердилъ слова ихъ и прибавилъ къ нимъ еще многія извѣстія, изъ опыта имъ приобрѣтенныя.

Соображая слышанное мною отъ нихъ и многихъ другихъ съ положеніемъ и произведеніями тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ текутъ всѣ рѣки, впадающія въ Днѣпръ, легко заключить, что водяное сообщеніе Сѣверныхъ Губерній съ Чернымъ моремъ не доставляетъ и пятой доли тѣхъ выгодъ, которыя могло бы оно принесть, еслибы природа непротивупоставляла сильныхъ преградъ идущимъ судамъ.

Однакожъ торговля Днѣпровская приноситъ довольно значительныя выгоды купцамъ здѣшнимъ, которые ведутъ оную не только въ Россіи, но и съ иностранными промышленниками входятъ въ важныя сношенія. Десна противъ Кіева впадающая въ Днѣпръ и здѣшняя пристань баркамъ изъ верхнихъ мѣстъ Минской, Черниговской, Орловской

и Полтавской Губерніи приходящимъ съ канатами, веревками, железомъ, рогожами, смолою, и конопляннымъ масломъ, приносятъ большую пользу Кіевской торговлѣ.

ПИСЬМО 30.

Кіевъ.

Вчера видѣлъ я рожденіе Христа. Вчера съ благоговѣніемъ смотрѣлъ я на божественную Марію, которая держала на рукахъ своихъ Младенца — Бога, и потупивъ глаза, взирала на него съ небесною улыбкою и съ радостію матери. Святость, красота, добродѣтель блистали во взорахъ ея, въ лицѣ ея. Божество озаряло Христа. Ликующіе въ облакахъ Ангелы, сидящіе на правѣ пастухи и съ изумленіемъ взирающіе на Бого-человѣка волфы,

окружали ихъ. Вчера удивлялся я искусству кисти, которая живо могла изобразить картину сію, хранящуюся въ Софійскомъ соборѣ, и наслаждался священными чувствованіями религіи.

Друзья мои! Какъ драгоцѣнно вліяніе изящныхъ искусствъ въ сердца наши! Какъ сладостны ощущенія ими въ насъ производимыя! *Онѣ возносятъ насъ изъ праха и сближаютъ съ вышшими существами. Онѣ возвышаютъ бытіе наше* (*).

Очень желательно, чтобъ у насъ употребляли больше старанія и разборчивости въ живописи иконъ.

(*) Sulzers Schöne Kunste.

ПИСЬМО 31.

Кіевъ.

Помнителн вы предсказаніе мое о Буонапартѣ?

Оно сбылось. Наполеонъ прекратилъ бытіе свое, ежели не физическое, то покрайней мѣрѣ политическое; Наполеонъ пойманъ, и всѣ благословляютъ кончину его владычества; всѣ съ радостію спѣшатъ сообщать другъ другу радостную вѣсть о низверженіи Корсиканца.

Кажется, что весь Кіевъ говорилъ нынѣшній день токмо объ одномъ Буонапартѣ. Куда ни взлянешь, гдѣ ни повернешся, — вѣздѣ слышишь имя его. Я былъ сегодня у Губернатора; тамъ пѣнилось Венгерское за упокой его. Былъ въ Лаврѣ Печерской; тамъ шептали объ немъ и крестились, узнавая что онъ взятъ

въ плѣнъ. Былъ въ дворцовомъ садѣ; тамъ подъ каждымъ почти деревомъ слышалъ имя его, тамъ почти каждая, встрѣчающаяся мнѣ, толпа людей разсуждала объ немъ.

Такъ громко паденіе того, которой подражая Дедалу хотѣлъ вознестись превыше смертныхъ! Такъ отдаются отголоски удара, которой произвелъ Наполеонъ, низверженный съ трона своего!

. . . . . Excelsae graviore casu
Decidunt turres.

Horat.

Тоже бываетъ и съ людьми.

ПИСЬМО 32.

Кіевъ.

Взглянуть на то мѣсто, гдѣ Апостолъ Христовъ водрузилъ знаменіе Христіанства, гдѣ блеснулъ первый лучь Божества и въ первой разъ

озарилъ предковъ нашихъ, — есть долгъ Россіянина. Я исполнилъ оный, и былъ въ церкви Андрея Первозваннаго.

Императрица Елисавѣтъ Петровна, будучи въ Кіевѣ, приказала заложить оную на мѣстѣ древней, которая отъ времени уже разрушалась.

Готическая архитектура, болѣе величественная, нежели прекрасная, украшаетъ наружность сего храма и, придавая ему вѣковую древность, вселяетъ какое-то невольное почтеніе.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ церкви Андрея Первозваннаго видны остатки того великолѣпнаго храма, которой сооружало усердіе Владиміра, на построеніе котораго употреблены были несмѣтныя сокровища, и надъ коимъ истощено было все искуство Греческихъ художни-

ковъ. Я говорю объ остаткахъ или объ одномъ придѣлѣ *Десятинной* церкви, такъ названной потому, что Владиміръ I. опредѣлилъ на содержаніе ея десятую часть доходовъ Государственныхъ, и собственною рукою начерталъ въ стѣнахъ ея клятву сію.

Она была велика и зѣло красна, говоритъ Синопсисъ. Въ нее перевезена была вся утварь церковная изъ Корсуня, и *Анастасій*, извѣстный опрытіемъ тайны, на стрѣлѣ пущенной въ станъ Владиміровъ, совершалъ въ ней богослуженіе.

На мѣстѣ оной было нѣкогда жилище одного тайнаго Христіянина.

Ты знаешь, что предки наши до приняпія Христіанской религіи приносили кровавыя жертвы идоламъ своимъ. Владиміръ I, послѣ побѣды своей надъ Ятвягами, положилъ ис-

полнить сей ужасной обрядъ. Кинули жребій, — онъ палъ на Іоанна тайнаго Христіянина. (*) Посланные за нимъ изрубили его вмѣстѣ съ отцомъ, которой невыдавая сына, вздумалъ убѣждать идолопоклонниковъ. Разъяренные почитатели Перуна, обагривъ руки свои въ крови обоихъ Христіанъ, разметали и жилище ихъ. Совѣсть упрекнула Владиміра — и онъ велѣлъ воздвигнуть на томъ самомъ мѣстѣ церковь Богородицы, отъ которой теперь остался одинъ придѣлъ. Междуусобныя войны неспокойныхъ Князей, нашествія Батыя, Турокъ и Татаръ истребили прочее, вмѣстѣ со многими другими памятниками древности. Ольга, Владиміръ, супруга его Анна были здѣсь погребены. Надъ ними нѣтъ ни над-

(*) Степенная книга.

гробныхъ камней, ни надписей; все изчезло, время все изтребило.

ПИСЬМО 33.

Кіевъ.

Деревянный истуканъ съ серебряною головою, съ золотыми ушами, железными ногами, съ молніеноснымъ шаромъ въ рукѣ. (*) Вотъ божество, которому покланялись предки наши, предъ коимъ дымилась кровь человѣческая и которое воздвигъ Владиміръ на томъ самомъ холмѣ, гдѣ возсіялъ потомъ первый храмъ истиннаго Бога, гдѣ явилась церьковь Святаго Василія, тѣмъ же Владиміромъ построенная. Оставшіяся послѣ разоренія ея развалины послужили основаніемъ церкви *трехъ Святителей*, въ которой я былъ, но

(*) Синопсисъ и Стрійковскій.

невидалъ ничего достопримѣчательнаго.

Неудивляйтеся ежели я скажу, что М. . щ . р . . овъ доставилъ себѣ мѣсто въ Исторіи нашей. Онъ выстроилъ небольшую, но прекрасную церковь Святаго Николая надъ могилою Оскольдовою, возлѣ которой погребена жена его.

Оскольдъ и могила его славны въ лѣтописяхъ нашихъ; церковь деревянная Святаго Николая, (*) надъ нимъ воздвигнутая была также извѣстна. Ее теперь нѣтъ, но каменная заняла мѣсто ея и передастъ потомству имя основателя своего.

(*) Несторъ.

ПИСЬМО 34.

Кіевъ.

Въ Кіевѣ есть Академія, въ которой цвѣли науки и тогда, когда мракъ невѣжества покрывалъ почти всю Россію; (**) въ которой образовались многіе служители Олтаря, извѣстные краснорѣчіемъ, ученостію и добродѣтелями своими; въ которой воспитаны были многіе, занимающіе важнѣйшія въ Государствѣ должности.

Въ Кіевѣ есть Гимназія, которая образуетъ гражданъ и воиновъ. Я былъ въ той и въ другой; видѣлъ первую въ *Братскомъ* монастырѣ, вторую въ казенномъ домѣ; но не видалъ ни учителей, ни учениковъ потому, что теперь Іюль мѣсяцъ, –

(*) Она учреждена въ 1631 годѣ Митрополитомъ *Петромъ Могилою.*

время, въ которое всѣ общественныя училища свободны отъ ученія.

Въ первой успѣлъ я взглянуть на библіотеку очень хорошую и огромную. *Она была прежде гораздо больше,* сказалъ умной и расторопной монахъ, которой меня провожалъ, *но пожары истребили множество рукописей и драгоцѣнныхъ книгъ.*

Академія Кіевская имѣетъ многія грамоты Королей Польскихъ, Гетмановъ Малороссійскихъ и Императоровъ Рускихъ. Учащихся въ ней до 1500 человѣкъ. Мнѣ такъ говорили. Вѣрнаго числа не знаю.

Кіевская Гимназія учреждена очень недавно. Она имѣетъ многія преимущества предъ прочими Гимназіями и основана на другихъ положеніяхъ. Количество денегъ, въ пользу ея пожертвованныхъ здѣшнимъ

дворянствомъ, очень значительно. Учениковъ въ ней считаютъ до 300.

ПИСЬМО 35.

Кіевъ.

Прощай древняя столица любезнаго отечества моего! Прощайте драгоцѣнные для Россіянина памятники древности! сказалъ я назадъ тому полчаса съ высоты Печерской колокольни, возвышающейся на 131 аршинъ отъ поверхности земной и имѣющей 4 этажа, изъ которыхъ второй украшенъ 32 колоннами Дорическаго ордена, третій 16 Іоническаго, четвертый 8 тройными Коринѳскаго.

Ежели вы желаете ощущать удовольствіе, восхищеніе и удивленіе; ежели хотите наслаждаться величествомъ, разнообразіемъ, прелестями и красотами природы: при-

ѣзжайте въ Кіевъ, идите въ Печерскую Лавру, карабкайтесь на лѣстницу и запыхавшись, взберитесь на четвертый этажъ колокольни, въ которую, какъ сказалъ, я ходилъ прощаться съ Кіевомъ.

Нехочу и не могу описывать вамъ всѣхъ чувствованій, которыя возраждались вомнѣ, при видѣ подъ ногами моими всего города и блестящихъ въ немъ между строеніями золотыхъ главъ, при видѣ шумящаго въ 75 саженяхъ ниже Днѣпра и несущихся по немъ судовъ, при видѣ тысячей народа и всѣхъ деревень, которыя болѣе нежели на 40 верстъ были отдалены отъ меня. Скажу вамъ только, что я небылъ занятъ земнымъ. Душа моя парила подъ облаками и возносилась до жилищъ горнихъ.

Кіевъ для меня на всегда пребудетъ незабвеннымъ. Пріятныя впечатлѣнія, имъ во мнѣ оставленныя, не изгладятся изъ сердца моего. Сладкія минуты, въ немъ проведенныя, не улетятъ изъ памяти моей.

ПИСЬМО 36.

Бровары.

Memento mori, сказалъ Горацій; *помни часъ смертный*, повторилъ я, когда смерть готова была поразить меня.

Мы остановились въ Броварахъ, и пока ямщики перемѣняли лошадей, сидѣли въ посполяломъ дворѣ. Напившись тамъ чаю, я шелъ садиться въ коляску; нополько лишь переступилъ порогъ, густой дымъ и огонь сопровождаемый сильнымъ трескомъ, ослѣпили меня. Это

былъ пистолетной выстрѣлъ, которой, благодаря Всевышняго, ударился подлѣ меня въ спѣну, изключая одной дробины, пролетѣвшей сквозь шапку почтеннаго товарища нашего Я. И. Б. . ва. За темнотою ночи мы не нашли виновнаго.

Такимъ образомъ я сегодня кончилъ было жизнь свою. Впередъ почаще буду повторять выраженіе Латинскаго стихотворца и вѣрить Монтаню въ томъ, *что смерть держитъ насъ за шиворотъ*

ПИСЬМО 37.

Черниговъ.

Розовое сіяніе вечерней зари утухало, когда мы подъѣзжали къ Чернигову. Послѣдній свѣтъ дневной замиралъ на небосклонѣ, роса начинала сверкать въ травѣ, вѣтеръ разносилъ пѣни по волнамъ зрѣлой

пшеницы, сумерки спускались на землю и величественная луна вступала въ пупь свой. Тусклые лучи ея осребряли поля, разсыпались надъ городомъ и отражались въ волнахъ Десны. Окрестности Чернигова мерцали въ глазахъ нашихъ.

Въ 10 часовъ мы увидѣли себя по срединѣ онаго въ 2 комнатахъ, нами наняты́хъ. Я тотчасъ бросился въ постель, изъ которой утро вызвало меня ходить.

Древность сего города, бывшаго нѣкогда Княжескою столицею, и памятники прежней славы обращаютъ на него вниманіе всякаго любопытнаго Россіянина. Это заставляетъ и меня вамъ что нибудь объ немъ сказать.

Неизвѣстность скрываетъ отъ насъ время построенія Чернигова и имя основателя. Нѣкоторые догад-

ками дополнили сей недостатокъ; но различныя ихъ мнѣнія ничего намъ не объяснили. Одни изъ нихъ производили названіе его отъ чернаго лѣса, въ древности оный окружавшаго; другіе старались доказать, что онъ построенъ какимъ то Княземъ *Чернымъ* и получилъ отъ того наименованіе свое. (*)

Объ догадки сіи правдоподобны, но не истинны; да ежелибы мы и были увѣрены въ справедливости которой нибудь изъ нихъ, кажется, ни какой бы не могли отъ того получить пользы.

И такъ оставимъ ни къ чему не служащія разысканія и, вмѣстѣ съ Милотомъ, ограничимъ себя полез-

(*) Константинъ Порфирогенетъ упоминаетъ о Черниговѣ подъ именемъ *Чернигоги*. De administratione imperii.

нымъ. Подобныя историческія мѣлкости относятся до людей ученыхъ, которые стараются вывести изъ того что нибудь новое, важное и тѣмъ оказать значительную услугу не только современникамъ своимъ, но и потомкамъ. Мы не дѣлописатели; будемъ довольны тѣмъ, что другіе намъ открыли: прибѣгнемъ къ лѣтописямъ.

Названіе Чернигова попадается намъ въ первой разъ въ договорѣ, Олегомъ заключенномъ съ Греками въ 912 годѣ. Я бы потерялъ время и наскучилъ вамъ изчисленіемъ всѣхъ перемѣнъ, бывшихъ съ симъ городомъ. Скажу только то, что онъ прежде считался первымъ изъ удѣльныхъ Княженій и доставался, по большой части, старшимъ въ родѣ по Великомъ Князѣ Кіевскомъ. Въ смутныя времена отечества нашего

онъ былъ подъ властію Поляковъ, потомъ совсею Малороссіею поддался Царю Алексѣю Михайловичу. Теперь Черниговъ Губернской городъ.

Строеніе его изрядное, мѣстоположеніе очень хорошо; но пустота и малолюдство вездѣ видны. Я ходилъ около 2 часовъ по городу и встрѣтилъ неболѣе 25 человѣкъ. Нѣтъ живости, нѣтъ забавливости въ здѣшнемъ народѣ. Общество дворянъ, живущихъ въ Черниговѣ очень не велико, а купечество чрезвычайно бѣдно. Такъ мнѣ говорилъ одинъ чиновникъ и хозяинъ мой, которой теперь купеческимъ Головою.

ПИСЬМО 38.

Черниговъ.

Черниговская церковь соборная, основанная во имя Спасителя очень

хороша. Иконостасъ ея не великъ, но съ большимъ вкусомъ отдѣланъ. Знамена Малороссійскихъ Козацкихъ полковъ, висящія на стѣнѣ, также украшаютъ ее.

Новая Архитектура непомѣшала мнѣ вспомнить основателя ея Князя Мстислава храбраго побѣдителя Рѣдеди *. Тѣло его погребено въ ней подъ одною изъ башень, которыхъ четыре.

Наружныя стѣны сего храма доказываютъ осми-вѣковую древность. Необыкновенной величины каменья и цементъ, ихъ связывающій, достойны вниманія. Верхъ же ея не современенъ основанію, а иконостасъ еще новѣе.

Въ другой соборной церкви хранятся мощи Святаго Ѳеодосія Углицкаго.

(*) Нестора Лѣтописецъ и Степенная книга.

Черниговъ былъ обнесенъ крѣпостію, изъ которой сдѣланъ теперь бульваръ.

Ремесленное училище здѣшнее достойно примѣчанія! Я былъ въ немъ и видѣлъ многія прекрасныя худ жественныя произведенія воспитанниковъ, которые принимаются изъ мѣщанъ или поселянъ, и живя на казенномъ иждивеніи, учатся разнымъ искуствамъ. Учрежденіе прекрасное и преполезное. Поселянинъ, обрабатывающій поле и заботящійся только о необходимостяхъ, не скоро встрѣтитъ случай, въ которомъ нужно читать и писать; между тѣмъ, какъ онъ на каждомъ шагѣ чувствуетъ необходимость въ ремеслахъ, для домашней его жизни полезныхъ. Желательно чтобы число

таковыхъ заведеній умножилось въ отечествѣ нашемъ.

Архіепископъ Черниговскій живетъ въ 2 верстахъ отъ города въ большомъ каменномъ домѣ на прекрасномъ мѣстѣ. Тутъ же и монастырь съ пещерами, которыя, какъ утверждаетъ черной народъ, имѣли сообщеніе съ Кіевскими, но потомъ большая часть ихъ завалилась.

ПИСЬМО 39.

Городня.

Двѣ знаменитыя побѣды, одержанныя надъ Половцами Изъяславомъ Кіевскимъ и потомъ Святославомъ Черниговскимъ (*), сдѣлали имя

(*) Оба сраженія сіи важны въ Исторіи нашей. При первомъ былъ взятъ въ плѣнъ извѣстный Князъ Сокалъ. При второмъ 12,000 Половцевъ разбиты

города сего славнымъ. (Тогда назывался онъ *Сіовскомъ*).

Я съ любопытствомъ осматривалъ Городню; но ненашелъ ничего, выключая земляного вала, которымъ обыкновенно укрѣплялись всѣ города отъ безпрестанныхъ набѣговъ Половцовъ, Татаръ и даже сосѣднихъ Князей Рускихъ, кои нелюбили жить въ мирѣ.

Безчисленное множество могилъ, окружающихъ сей городъ, скрываютъ, думаю я, убитыхъ въ сраженіяхъ противъ Половцовъ.

ПИСЬМО 40.

Городня.

Довольно одной рѣки или горы для произведенія различія въ нра-

3000 Россіянъ. Смот. Исторія Татищева и Изслѣдованіе о мѣстоположеніи Тмутараканскаго Княженія.

вахъ (*), сказалъ Гельвецій. Ежели хотите удостовѣриться въ словахъ его сравните Малороссіянъ Полтавскихъ съ Черниговскими. Вы повторите тоже потому, что найдете ощутительное различіе между жителями сихъ двухъ Губерній, Малороссію составляющихъ; потому что замѣтите въ однихъ тѣ свойства, которыхъ не имѣютъ другіе; потому что увидите въ первыхъ нравы и обыкновенія, которыя не свойственны вторымъ, а въ сихъ послѣднихъ такія, которыя неизвѣстны первымъ.

Не хочу излагать причины сего различія; я уже говорилъ вамъ объ оныхъ, я уже вычислялъ ихъ.

Вы знаете неодинаковость мѣстоположенія, климата и почвы земли сихъ двухъ Губерній; вы знаете хлѣбородныя поля Полтавскія и лѣсомъ занимаемые пески Черниговскіе; вы знаете различныя занятія и промыслы жителей какъ первой, такъ и второй; вы знаете произведенія природы въ обѣихъ; — слѣдовательно знаете и причины различія нравовъ. Согласитесь *что воображеніе, вкусъ, чувствительность, живость, зависятъ отъ безчисленнаго множества малыхъ ощущеній* *.

Монтескье васъ въ томъ увѣряетъ. Ежели же вы еще сомнѣваетесь, то опытъ вамъ докажетъ справедливость его мыслей.

Природа лишила Черниговскихъ жителей изобилія въ хлѣбѣ, но чрезъ то самое произвела большее трудолюбіе и онымъ опличила ихъ отъ Полтавскихъ Малороссіянъ.

(*) Philosophie de la nature.

* Esprit des loix.

Ежегодной урожай хлѣба здѣсь вообще невеликъ. Изключа изъ онаго количество необходимое для пропитанія поселянина съ семействомъ и съ домашнимъ скотомъ, остается самая малая часть для продажи. Но онъ прибѣгаетъ къ другимъ средствамъ. Онъ удобряетъ участокъ земли своей и сѣетъ на немъ пеньку. Онъ гонитъ смолу, добываетъ поташъ, рубитъ лѣсъ и продаетъ оной въ ближнемъ городѣ, или самъ вмѣстѣ съ нимъ, выстроивъ судно, отправляется по Деснѣ.

Такимъ образомъ Малороссіяне Черниговскіе проводятъ время свое въ трудахъ и дѣлаются отъ того смѣлѣе, отважнѣе, предпріимчивѣе. Они мрачны потому, что природа въ глазахъ ихъ большею частію мрачна. Они постоянны, хладнокровны и задумчивы. Воображеніе

ихъ не очень пламенно, страсти не пылки, сердечныя ощущенія не сильны. Ни радость, ни печаль не производятъ надъ ними чрезмѣрнаго дѣйствія.

Въ образѣ жизни здѣсь не наблюдаютъ такой чистоты и опрятности, какъ въ южной Малороссіи.

Вотъ отличительнѣйшія черты Черниговскихъ жителей; прочія качества вычисляль я вамъ, говоря о Полтавскихъ Малороссіянахъ. Остается сказать нѣсколько словъ о твердости здѣшняго нарѣчія. Свойство сіе ощутительно бываетъ и у тѣхъ, которые отвыкли отъ языка Малороссійскаго, но немогли измѣнить произношенія.

Въ заключеніе скажу, что большая часть жителей здѣшнихъ смѣшана съ Литовцами, а потому ихъ

и называютъ прочіе Малороссіяне *Литвинами*.

ПИСЬМО 41.

Постоялой дворъ.

Чистое и ясное небо, прекрасный лѣтній день и тихой вѣтеръ, прохлаждающій жаръ солнечной, предвѣщали намъ, при выѣздѣ изъ Городни, благополучное путешествіе и продолженіе хорошей погоды.

Но лишь прошло полчаса, — на горизонтѣ показались мрачныя облака, которыя начали сближаться и скопляться. Лишь прошолъ часъ, — явилась страшная туча, которая грозила обрушиться и, казалось, преслѣдовала насъ. Быстрота почтовыхъ лошадей немогла отъ нее спасти; она догнала насъ, змѣевидная молнія разсѣкла ея, сильный ударъ

грома грянулъ, дождь полился и мы совершенно измокли.

Къ счастію близко случился постоялой дворъ. Мы вбѣжали въ него, осушились и сидимъ теперь подъ окномъ, восхищаяся величественнымъ явленіемъ природы.

Между тѣмъ молнія блеститъ, освѣщаетъ насъ и скрывается. Между тѣмъ небесные перуны сражаются надъ головами нашими. Трескъ возвѣщаетъ начало, грозные гулы катятся по небосклону, ударъ ослабѣваетъ, дѣлается глухимъ, опять усиливается, гремитъ еще съ большею яростію, склоняется къ землѣ, напрягаетъ послѣднія силы и изчезаетъ. Дождь увеличивается.

Гроза сія возраждаетъ въ душѣ моей необыкновенныя чувствованія высокаго; сіе смятеніе стихій, приводящее все въ трепетъ воз-

вѣщаетъ мнѣ существованіе чего то во мнѣ такого, что никакою вещественною силою не можетъ быть разрушено.

Никогда человѣкъ такъ сильно не познаетъ величія своего, какъ во время ужасовъ природы. Въ нихъ читаетъ онъ безсмертіе души своей.

Молнія еще блеститъ, громъ еще гремитъ; но глухіе гулы его возвѣщаютъ отдаленіе грозы, проясняющееся небо обѣщаетъ возвращеніе прекраснаго дня.

Въ ожиданіи благопріятной намъ погоды Б.... читаетъ книгу, я пишу къ вамъ; а около насъ вертится человѣкъ въ длинномъ черномъ шелковомъ кафтанѣ, въ башмакахъ и въ черной скуфейкѣ. Это Жидъ содержатель корчмы, которой кланяется намъ, почти ползаетъ около насъ и предлагаетъ свои услуги.

Онъ почти также около всякаго поселянина увивается для того, чтобъ скорѣе найти случай его обмануть.

Замѣчу вамъ мимоходомъ что Жиды, которые нѣсколько разъ были изгнаны изъ Россіи, нашли себѣ выгодное убѣжище въ Малороссіи.

Они здѣсь поселились съ недавняго времени, но уже успѣли захватить въ руки свои почти всѣ промыслы, особливо мѣлочные, которые чаще доставляютъ случай обманывать простой народъ. Они живутъ здѣсь въ городахъ, въ деревняхъ и даже на поляхъ; но никогда не занимаются работами, требующими долговременнаго усилія и напряженія, а особливо хлѣбопашествомъ. Это занятіе имъ неизвѣстно, ибо они непривыкли трудиться, а притомъ знаютъ, что выгоды, имъ

доставляемыя не могутъ сравняться съ тѣми, которыя получаютъ они отъ торговли и разныхъ оборотовъ.

Можно сказать, что Малороссія на откупѣ у Жидовъ. Винная продажа, а особливо по селамъ, большею частію въ ихъ рукахъ; постоялые дворы почти всѣ на ихъ же содержаніи; они же отправляютъ должность *факторовъ* (*), продаютъ товары, мѣняютъ деньги, считаютъ на пескѣ золото, и проч.

Домашняя ихъ жизнь неопрятна. Что касается до Религіи Жидовъ,

(*) Факторъ является къ каждому пріѣзжему и предлагаетъ свои услуги. Пошлите его за купцомъ, за портнымъ, за сапожникомъ, извощикомъ, — словомъ куда угодно. Онъ все найдетъ и доставитъ вамъ.

они въ ней непреклонны, они ее твердо хранятъ и рѣдко преступаютъ даже малозначущія правила ея. Нѣкоторые изъ нихъ по 2 и по 3 года не ѣдятъ мяса, ибо не имѣютъ *рѣзака* (*); нѣкоторые лишаются большихъ выгодъ для того, что въ субботу запрещено считать деньги и ходить далѣе 2 верстъ.

Нѣтъ нужды вамъ сказывать, что Жиды умны, хитры, пронырливы и оборотливы. Всякъ это знаетъ и всякой ихъ за то бранитъ; но рѣдкіе замѣчаютъ въ нихъ добродѣтельныя черты, изъ коихъ наи-

(*) Рѣзакомъ называется мясникъ, которой выбирается и какъ бы посвящается въ сію должность. Онъ обязанъ рѣзать говядину и смотрѣть невредна ли она для здоровья. Прекрасное установленіе!

болѣе заслуживаютъ похвалу склонность къ дружбѣ и къ помощи, оказываемой бѣднѣйшимъ изъ своихъ собратій.

Этотъ народъ созданъ для услугъ. Никто болѣе нечувствуетъ ихъ пользы какъ проѣзжіе, для которыхъ они за самую малую цѣну испощаютъ всѣ возможныя старанія.

Прощайте! Оставляю Жидовъ въ покоѣ. Небо прояснилось, дождь прошелъ, западъ свѣтлѣетъ, мы ѣдемъ.

ПИСЬМО 42.

Новозыбковъ.

О Новозыбковѣ, недавно превращенномъ изъ слободы въ Уѣздный городъ, о строеніи онаго, о мѣстоположеніи ничего вамъ не скажу. Я

въ немъ не нашелъ ничего хорошаго, не видалъ ничего занимательнаго, незамѣтилъ ничего достойнаго любопытства, выключая нравственность и религію жителей, о которыхъ буду писать къ вамъ послѣ.

Ровное, близь болота, далеко отъ рѣки лежащее, мѣстоположеніе Новозыбкова не имѣетъ ни одного пріятнаго вида и представляетъ глазамъ только однообразные, деревянные, низкіе домики, между которыми показываются верхи деревянныхъ же церквей или часовень.

ПИСЬМО 43.

Новозыбковъ.

Спѣшу взять перо и увѣдомить васъ, что послѣ осьми дней, самымъ скучнымъ образомъ нами проведенныхъ въ Новозыбковѣ, мы приобрѣли наконецъ прекрасное знакомство.

И такъ я каждый день имѣю случай на нѣсколько часовъ оставлять сухія, и признательно сказать, не очень веселыя разысканія, которыми занимаюсь изъ любопытства.

Мы чрезвычайно были обласканы почтенною, умною, привѣтливою А. П. Н. . .ою, и по приглашенію ея бываемъ почти каждой день у нее въ деревнѣ, за 4 версты отстоящей отъ города. Семейство ея составляютъ: дочь и сынъ. Первая, — кроткая и благовоспитанная дѣвица; второй, — прелюбезной молодой человѣкъ.

Вы бы удивились добродушію и простому, чистосердечному обращенію П. И. Д. . . ва. Онъ добръ безъ лицемѣрія, гостепріименъ безъ притворства, всегда веселъ отъ природы. Все семейство его препочтенное и прелестное.

ПИСЬМО 44.

Новозыбковъ.

Религія, обряды, нравственность, образъ жизни: — все отличаетъ жителей здѣшнихъ, все заставляетъ меня вамъ что нибудь объ нихъ сказать.

Они Старообрядцы, или просто сказать, Раскольники, переселившіеся сюда изъ великой Россіи въ концѣ 17 столѣтія.

Исправленіе книгъ предпринятое Патріархомъ Никономъ произвело ихъ, а строгія мѣры правительства и казнь первыхъ возмутителей разсѣяли и принудили удалиться изъ Москвы.

Малороссія, которая тогда еще пользовалась свободою, была границею нашею отъ непріязненной

Польши и имѣла въ нѣкоторыхъ мѣстахъ непроходимые лѣса; Малороссія, говорю, казалась имъ выгоднымъ и спокойнымъ пристанищемъ. Посему многіе изъ нихъ въ концѣ царствованія Царя Алексѣя Михайловича основали въ ней жилище свое и въ самое коротkое время, будучи умножены разсѣянными толпами своихъ собратій и шайками бродягъ или бѣглецовъ, населили въ Стародубскомъ полкѣ 17 селеній. Храбрость и мужество, съ которыми защищали они предѣлы свои отъ Шведовъ, привлеченыхъ Мазепою въ Малороссію, доставили имъ въ собственность земли, спокойствіе и многія преимущества.

Съ того времени перестали Раскольники опасаться гоненій правительства, которое прежде преслѣдовало ихъ и старалось изкоренить казнями. Но власть и принужденіе не истребили предразсудковъ; гоненія и наказанія не уменьшили, но увеличили и утвердили суевѣріе въ Старообрядцахъ, которые уподобляли себя первымъ Христіанамъ, терпѣливо сносили всѣ строгости и, принимая ихъ необходимыми страданіями за истинную вѣру, хвалились усердіемъ своимъ къ ней.

ПЕТРЪ Первый прекратилъ преслѣдованія и ограничилъ наказанія наложеніемъ двойной подати. ЕКАТЕРИНА великая оную уничтожила. АЛЕКСАНДРЪ Благословенный доставилъ всѣ средства жителямъ здѣшнимъ спокойно жить подъ кротkимъ правленіемъ Его.

Такимъ образомъ мудрые Государи наши, даровавъ Старообряд-

цамъ свободу Богослуженія, даровали имъ спокойствіе, отдалили пролитіе крови и избавили Россію отъ смятеній и ужасовъ, произведенныхъ въ большой части просвѣщенныхъ Государствъ спорами за Религію. Пламя, которое въ другихъ державахъ утушали потоками крови, у насъ остановлено было мудростію, кротостію и благоразуміемъ.

Богослуженіе Старообрядцевъ, въ началѣ было отличено отъ нашего токмо нѣкоторыми, незначущими обрядами и выраженіями; но теперь оное совершенно измѣнилось, и отъ множества новопринятыхъ обыкновеній совсемъ потеряло прежнее сходство.

Причина тому очевидна и естественна. Основатели расколовъ были необразованы, пронырливы и по большой части разпутны; а послѣдователи ихъ грубы и безразсудны.

Не имѣя ни книгъ, которыя бы заключали въ себѣ нововведенныя главнѣйшія правила, ни наставниковъ, которые бы преподавали имъ оныя, не помышляя о сущности Религіи и будучи привязаны къ однимъ наружнымъ обрядамъ, они безпрестанно болѣе и болѣе заблуждались, а наконецъ почти совершенно лишились истинной вѣры, наполнивъ ее нововведенными обыкновеніями, которыя одни принимали за священныя истины, а другіе почитали беззаконіями. Отсюда произошли ужасныя ссоры, кои возродили между ими ненависть и произвели безчисленное множество различныхъ сектъ или толковъ, какимъ нибудь пустымъ обрядомъ одинъ отъ другаго отличенныхъ.

Непокорение истинной религіи и признаніе всѣхъ *Никоніанъ* (такъ они называютъ насъ) Ересиками. Вотъ всё что они имѣютъ теперь общаго, не взирая на различіе сектъ. Прибавьте къ симъ двуперстное сложеніе Креста, старопечатныя книги, привязанность къ бородѣ и отвращеніе отъ табаку; прибавьте, говорю, сіи правила къ тѣмъ мнѣніямъ, которыя имѣютъ они объ насъ, — и вы будете знать общіе обряды всѣхъ раскольниковъ. Въ частности они не одинаковы по различію толковъ, которые хотя и многочисленны, но всѣ составляютъ подраздѣленія двухъ главнѣйшихъ расколовъ, принятыхъ здѣшними Старообрядцами.

Поповщина и *Безпоповщина*. Такъ называются сіи двѣ секты.

Принадлежащіе къ первой принимаютъ бѣглыхъ поповъ: причисляющіеся ко второй совсемъ оныхъ не имѣютъ.

Извѣстнѣйшія здѣсь отрасли первой суть: Вѣтковцы, Діаконовцы, Епифановцы, Перемазанцы, Сусловцы. Главнѣйшія подраздѣленія второй составляютъ Поморяне, Ѳеодосіане и Новожены.

Теперь скажу вамъ по нѣскольку словъ объ каждой.

Вѣтковцы, которымъ названіе сообщилъ маленькой островокъ рѣки Сожи, бывшій первобытнымъ жилищемъ ихъ, и *Діаконовцы*, имѣвшіе основателемъ своимъ одного Діакона, считаютъ другъ друга Ересиками за то, что первые кадятъ два раза прямо, а въ третій по перегъ; вторые же крестообразно, т. е. одинъ разъ прямо, а во второй поперегъ.

Какъ тѣ, такъ и другіе вступающихъ къ нимъ въ расколы заспав-

ляютъ, выдержавъ постъ, являться въ часовню, обвиваться холстомъ и ходить около горшковъ, наполненныхъ водою и освѣщенныхъ горящими свѣчами. Въ заключеніе принимаемые должны отрѣкаться отъ истинной вѣры и признавать въ ней свои заблужденія.

Недумайте однакожъ, что бы это можно было назвать крещеніемъ: ибо въ семъ отличаются они отъ *Перемазанцовъ*, которые дѣйствительно перекрещиваютъ вступающихъ въ ихъ секту, вторично вѣнчаютъ и освящаютъ муромъ.

Вы вѣрно ужаснулись бы, ежели бы вамъ расказать, что употребляютъ они для варенія сего мура.

Епифановцы поминаютъ Епископа Епифана, т. е. одного обманщика, который назывался Архіереемъ. Другіе Раскольники не призна-

наютъ его, Епифановцы же всегда ѣздятъ въ Кіевъ поклоняться гробу его.

Сусловцы обливательное крещеніе Малороссіянъ не считаютъ дѣйствительнымъ, а потому и принимаютъ къ себѣ поповъ, рукоположенныхъ Великороссійскими Архіереями; и притомъ такими, кои сами были посвящены въ великой Россіи. Это часто заставляетъ ихъ ѣздить отсюда въ Москву и иногда далѣе.

Что касается до самыхъ поповъ, то участь ихъ незавидная. При строгомъ присмотрѣ, которой имѣютъ надъ нами Старообрядцы, они почти лишены свободы въ поступкахъ своихъ. Преступая положенныя ими правила, они лишаются мѣстъ.

Взглянемъ теперь на *Безпоповщину*.

Секта *Поморянъ*, получившая названіе отъ приморской стороны Олонецкой Губерніи (*), гдѣ основали они жилище свое и монастырь, составляетъ, какъ уже я сказалъ, подраздѣленіе Безпоповщины, и достойна замѣчанія по страннымъ мнѣніямъ Раскольниковъ, ее принимающихъ. Они говорятъ, что Антихристъ уже пришелъ, что онъ невидимо царствуетъ въ неизвѣстности, что всѣ таинства и вся святыня испреблены имъ на землѣ.

Самоубійцы, по мнѣнію ихъ, суть мученики, которыхъ вѣнецъ безсмертія ожидаетъ на небесахъ; а играющіе въ карты, поющіе пѣсни и носящіе длинные волосы, —

(*) Историческое извѣстіе о Старообрядцахъ.

грѣшники, которые поклонами отъ проступковъ сихъ должны очищаться. Супружество ими отвергается.

Бѣглой дьячекъ Ѳеодосій (Поморянинъ) первой упрекнулъ своихъ собратій въ томъ, что они не принимаютъ надписи надъ изображеніемъ Распятія, и что покупаемые съѣстные припасы не очищаютъ молитвами. Нѣсколько бездѣльниковъ къ нему пристали, зашумѣли, назвали прочихъ Еретиками, и отдѣлившись отъ Поморянъ, составили особую секту, названную *Ѳеодосѣевщиною*, которая теперь очень многочисленна.

Ѳеодосѣевцы или *Ѳеодосіане* дѣлаютъ надпись надъ Распятіемъ, освящаютъ покупаемую ими на рынкѣ пищу поклонами и проверпываютъ въ печахъ отверстія для то-

го, дабы благодать Божія входила въ чаши и горшки.

У насъ свой Богъ, говорятъ они, а у Никоніанъ другой. Никоніяне заражены присутствіемъ Антихриста, продолжаютъ они, а потому не должно сообщенія съ ними имѣть.

Вступающіе въ ихъ секту необходимо должны отказываться отъ правъ супружества; ежели же того не исполняютъ, то на положенное время отлучаются отъ церкви.

Старики занимаютъ у нихъ мѣсто священниковъ и отправляютъ Богослуженіе. Сложивъ руки кланяться имъ, когда они кадятъ, — есть священный, по мнѣнію ихъ, обрядъ; а поклоненіе иконамъ, за стеклами поставленнымъ, — смертельной грѣхъ.

Отлученіе отъ церкви и земные поклоны составляютъ наказанія преступниковъ. Первому под-

вергаются не только убійцы, воры и женившіеся, но даже носящіе красные сапоги, небывшіе двѣ недѣли въ церкви и уходящіе изъ часовень прежде окончанія службы. Отъ прочихъ маловажнѣйшихъ грѣховъ Ѳеодосіане освобождаются поклонами, число которыхъ простирается иногда до 3000.

Новожены ненавидимы и презираемы Ѳеодосіянами за то, что вступаютъ въ супружество и вѣнчаются въ нашихъ церквахъ; послѣ же просятъ въ томъ прощенія у своихъ собратій.

Новожены въ началѣ были малочисленны, но влеченіе природы и угрызенія совѣсти заставили многихъ Поморянъ и Ѳеодосіанъ обратиться въ секту ихъ.

Безпоповщина имѣетъ въ окрестностяхъ Новозыбковскаго уѣзда мно-

жество часовень и нѣсколько монастырей какъ мужескихъ, въ которыхъ служатъ старики, такъ и женскихъ, въ которыхъ Богослуженіе отправляютъ женщины и иногда дѣвки.

Вотъ тебѣ короткое извѣстіе о здѣшнихъ Раскольникахъ! Вотъ все, что могъ я узнать объ нихъ отъ здѣшнихъ дворянъ и отъ хозяина моего, которой открылъ мнѣ таинства въ надеждѣ можетъ быть преклонить къ своей религіи: ибо видѣлъ, что я со вниманіемъ слушалъ его расказы и хвалилъ обряды. Вотъ и описаніе главнѣйшихъ сектъ Раскольничьихъ; всѣхъ не возможно вычислить потому, что каждая подраздѣляется на другіе расколы, изъ которыхъ нѣкоторые есть ужасно вредные и противные не токмо законамъ гражданскимъ, но

законамъ природы, законамъ здраваго разсудка, противные Божеству и, къ удивленію, основанные на правилахъ Св. Писанія, коего истинный смыслъ ложно и ужасно изъясняютъ они.

Ежели бы я описалъ вамъ нѣкоторыя гнусныя и даже безчеловѣчныя обыкновенія ихъ, то вы бы вѣрно воскликнули съ Рейналемъ: Нѣтъ столь звѣрскаго обычая, котораго бы суевѣріе не могло установить; нѣтъ злодѣянія, на которое оно бы не заставило рѣшиться (*).

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

(*) Здѣсь выпущено описаніе одного раскольничьяго обыкновенія, которое могло бы заставить однихъ содрагаться, а другихъ краснѣть.

Многіе изъ Старообрядцевъ признались въ своемъ заблужденіи и обратились къ истинной вѣрѣ. Для таковыхъ учреждены церкви, въ которыхъ священники, опредѣляемые Архіереями, отправляютъ Богослуженіе по старинным, непоправленымъ книгамъ.

Такая церковь есть здѣсь въ Новозыбковѣ. Я былъ въ ней нѣсколько разъ у обѣдни, и видѣлъ что отличіе ихъ отъ обыкновеннаго служенія нашего состоитъ въ словахъ, исправленныхъ Никономъ, въ крестѣ изъ двухъ польцевъ сложенномъ и въ протяжномъ, однообразномъ, не пріятномъ для слуха пѣніи.

Женщины не входятъ въ настоящую церковь, но стоятъ въ отдѣлѣ, куда Священникъ выноситъ имъ Крестъ и Антидоръ.

Что же касается до нравственности Старообрядцевъ, то они могутъ служить въ нѣкоторыхъ случаяхъ примѣромъ какъ дамашней, такъ и общественной жизни. Они набожны до того, что рѣдко пропускаютъ вечерню или заутреню; они обходительны, оборотливы, хитры и ко всѣмъ дѣламъ способны.

Живутъ они почти всѣ безбѣдно потому, что другъ другу помогаютъ. Рѣдко, или почти никогда нельзя увидѣть раскольника, которой бы худо былъ одѣтъ, или жилъ въ избѣ, покрытой соломою. Слободы ихъ хорошо и правильно выселены. Все строеніе деревянное, а нерѣдко попадаются и каменные дву — этажные домы.

Лѣность почитается у нихъ презрительнѣйшимъ порокомъ; они всѣ заняты работою или какимъ

нибудь промысломъ. Большая часть изъ нихъ Мѣщанъ, но много есть и купцовъ, которые торгуютъ не только въ Россіи, но въ Прусіи, Германіи и Польшѣ.

Суевѣріе и закоснѣлость въ старинныхъ обычаяхъ заводятъ ихъ въ заблужденія и глупости, отъ которыхъ однакожъ они начали по немногу отставать и признавать нѣкоторые обряды свои безразсудными.

Твердость духа дѣлаетъ ихъ храбрыми и способными во всякое время защищать себя отъ непріятеля. Доказательствомъ тому разбитой ими при Петрѣ I. отрядъ Шведовъ и пораженные полскіе Конфедераты, отъ которыхъ они въ 1773 году очистили владѣнія свои.

Пьянство прежде было мало имъ извѣстно, но теперь усилилось

между ими потому, что къ нимъ пристаетъ всегда множество бродягъ.

Касательно тѣлесныхъ качествъ, природа щедро наградила ими здѣшнихъ жителей. Они всѣ сложенія здороваго, высоки, плотны, румянецъ играетъ на лицѣ ихъ. Въ женскомъ полѣ множество есть прекрасныхъ.

Недумайте однакожъ, чтобъ раскольники были всѣ такъ тверды въ обычаяхъ своихъ и въ правилахъ религіи, какими ихъ намъ представляютъ. Сравнивая описанія ихъ въ прежніе годы, мы видимъ, что народъ сей сдѣлалъ шагъ къ образованію своему. Ежели взглянемъ на нихъ въ началѣ 18 столѣтія или даже въ половинѣ онаго, то найдемъ измѣненія въ нравахъ, отличіе въ обычаяхъ и неодинаковость въ привычкахъ.

Мы должны ожидать въ нихъ еще большей перемѣны: ибо народъ столь оборотливый и проныр-ливый, занимающійся почти всѣми отраслями торговли, имѣющій всегдашнее сообщеніе съ Польшею, Пруссіею, Германіею, не можетъ не занять новыхъ обыкновеній, не можетъ не принять нѣкоторыхъ измѣненій.

Многіе примѣры оправдываютъ мои слова и показываютъ что одинъ страхъ удерживаетъ ихъ среди собратій отъ тѣхъ проступковъ, которые они дѣлаютъ, выѣхавши изъ слободъ своихъ.

Теперь торговля есть единственная образовательница Раскольниковъ. Ежели къ ней присоединить просвѣщеніе, которое также при снисходительныхъ и осторожныхъ мѣрахъ можетъ быть введено; то по-

вѣрьте, что они современемъ забудутъ свои старыя обыкновенія, забудутъ старинную вѣру и старинныя книги.

ПИСЬМО 45.

К л и м о в а.

Любезной и доброй человѣкъ — Исправникъ Новозыбковской ѣздилъ съ нами сегодня въ раскольничьи монастыри. Они неподвластны духовному начальству, но зависятъ отъ него, и прибѣгаютъ къ нему въ случаѣ безпорядковъ. Это подавало мнѣ поводъ надѣяться, что мы увидимъ все, что только можно будетъ видѣть. Я не ошибся и имѣлъ случай осмотрѣть какъ мужеской, такъ и женской монастырь.

Причиною основанія ихъ было разореніе *Вѣтки*, славнѣйшаго пристанища всѣхъ раскольниковъ, кото-

рые спекались сюда изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ Россіи. Вы вѣрно слыхали о Вѣткѣ? Вѣрно знаете, что сей маленькой островокъ рѣки Сожи и построенной на немъ Покровской монастырь были священнымъ убѣжищемъ всѣхъ Старообрядцевъ. Вѣрно знаете вы и то, что ЕКАТЕРИНА Великая приказала ее разрушить.

Воля Ея исполнена: Вѣтка разогнана, церковъ разметана; а остатки ея перевезены въ здѣшнія слободы, куда перешли и монахи съ монахинями.

Первые поселились въ Покровскомъ, изъ вѣтковскихъ обломковъ построенномъ монастырѣ; а для монахинь основанъ Казанскій.

Мы видѣли оба; были какъ въ томъ, такъ и въ другомъ. Первой стоитъ въ лѣсу между слободами

Митьковскою и Климовою; второй въ самой Климовой.

Въ первомъ, за отсутствіемъ настоятеля, насъ принималъ и угощалъ Бурмистръ Митьковскій, которой, какъ начальникъ слободы, въ великомъ уваженіи у монаховъ.

Чрезъ 10 минутъ по пріѣздѣ подали чай, ромъ и каньякъ. Потомъ поставили закуску и Францускія вины. Изъ такого пріема вы легко можете заключить, что отшельники здѣсь живутъ въ большомъ изобиліи; и неошибетесь, ибо Настоятель Покровскаго монастыря получаетъ до 20,000 ежегоднаго дохода.

Картины, которыми украшены его комнаты, достойны вниманія. Одна изъ нихъ представляетъ Соловецкой монастырь; а другая Христа, на крестѣ распятаго въ черной рясѣ.

Мы хотѣли видѣть церковь. Топъ же Бурмистръ Мишьковской взялся быть нашимъ путеводителемъ. Проходя мимо развалинъ, посреди которыхъ водруженъ вызолоченой крестъ, онъ остановился. „*Это остатки*, сказалъ онъ, *большой „Покровской церкви, которая трудами и попеченіями предковъ была „перевезена сюда изъ Вѣтки, а потомъ украшена подаяніями такъ, „что въ ней считалось тысячь на „500 золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней. Нѣсколько мѣсяцевъ „тому назадъ она сгорѣла.*“

Потомъ вошли мы съ нимъ въ новую церковь, на иконостасѣ которой сіяли бриліанты, изумруды и жемчуги необыкновенной величины. Я ихъ осмотрѣлъ, взглянулъ на живопись, которая незаслуживаетъ вниманія и потомъ, не искавъ глазами

ничего достойнаго любопытства, вышелъ.

Трапеза, кельи, даже самая кухня: — все показываетъ порядокъ, устройство, чистоту, опрятность и изобиліе

Число живущихъ въ семъ монастырѣ монаховъ, между которыми иногда попадаются скрывающіеся отъ поисковъ, простирается до 400 человѣкъ. Они всѣ состоятъ подъ начальствомъ настоятеля, ими изъ своихъ собратій выбираемаго, а въ случаѣ имиже и смѣняемаго.

Одежду монашескую составляютъ: черная ряса съ коротким капишономъ, черная шапочка, опушенная чернымъ же смушкомъ, волосы распущенные и четки.

Казанской женской монастырь построенъ, какъ я уже сказалъ вамъ,

въ Климовой. Онъ очень славенъ и уважаемъ раскольниками. Его ограждаетъ деревянная стѣна. За нею внутри построена богато убранная церковь и кельи, въ коихъ живутъ до 900 женщинъ и дѣвушекъ, не включая въ число сіе мужчинъ, которыхъ здѣсь также довольно. Замѣчу мимоходомъ что между монахинями много Дворянокъ, Графинь и Княгинь, извѣстнѣйшихъ въ Россіи фамилій. Умалчиваю объ именахъ.

Краткость времени, которое мы провели въ семъ монастырѣ, не позволила мнѣ ни чего замѣтить, кромѣ благоустройства, чистоты и опрятности; но ежели вѣрить словамъ, мною слышаннымъ, онъ составляетъ пристанище большею частію такихъ женщинъ, которыя, честію своею пожертвовавъ пер-

вымъ порывамъ чувственной природы, погрязли въ развратѣ. Надобно однакожъ отдать имъ справедливость: онѣ очень искусно умѣютъ скрывать свое распутство, всегда принимая видъ ханжей. Рѣдкія изъ нихъ изобличены бываютъ въ преступленіяхъ, а еще рѣже тѣ, которыхъ жители слободы, по взаимному согласію, иногда заковываютъ и осуждаютъ на работу.

Монахини сіи не всѣ одной секты; но раздѣлены на три или четыре раскола. Нѣкоторые изъ нихъ схимницы.

Подаянія, приносимыя Старообрядцами, а особливо козаками Донскими, изъ которыхъ многіе принесли сюда въ жертву добычу, доставшуюся имъ въ послѣднюю войну отъ непріятелей; — подаянія таковыя, говорю, очень обогатили мо-

настыри сіи, а вмѣстѣ монаховъ и монахинь. Они однакожъ, недовольствуясь сими доходами, ѣздятъ отсюда въ отдаленнѣйшія мѣста Россіи причащать, исповѣдывать, крестить и хоронить.

Мы теперь сидимъ въ большомъ дву — этажномъ домѣ, которой выстроенъ на щетъ общества Старообрядцевъ для того, чтобъ ни пріѣзжіе, ни члены земскаго суда не останавливались въ ихъ избахъ.

Прощайте! — лошади готовы; мы ѣдемъ далѣе. Пора распаться съ Раскольниками; вотъ уже четвертая недѣля, какъ я живу между ими.

Благодаренъ любопытству моему. Оно разгоняло въ теченіи сего времени скуку.

ПИСЬМО 46.

Новгородъ Сѣверскій.

Прекрасное мѣстоположеніе, покрытое бѣдными домиками и кое-гдѣ разсыпанными развалинами, слабо поражаетъ подъѣзжающихъ къ Новгороду Сѣверскому, которому Ярославъ I положилъ начало, а Сѣверяне, жившіе на Сѣверъ отъ Кіева, (*) сообщили названіе; которой былъ столицею удѣльнаго Княженія, потомъ главнымъ городомъ Намѣстничества, а на конецъ обращенъ въ уѣздный и причисленъ къ Черниговской Губерніи.

Мы сей часъ въ оной пріѣхали и еще не успѣли ни чего видѣть.

(*) Такъ говоритъ Татищевъ; а нѣкоторые стараются доказать, что сіи Сѣверяне происходятъ отъ тѣхъ, о которыхъ упоминаютъ Ѳеоѳанъ, Анас-

ПИСЬМО 47.

Новгородъ Сѣверскій.

Живописецъ и любишель рѣдкостей, бывъ однажды въ Новгородѣ Сѣверскомъ, никогда не забудутъ его.

Въ памяти перваго останется картина, для совершенства которой не были пощажены ни труды, ни кисти, ни краски, и которая была образована руками всегда искусной въ произведеніяхъ своихъ. . . . природы.

Второй сохранитъ впечатлѣнія памятниковъ древности. Онъ будетъ вспоминать: или остатки того дома, въ которомъ Великій Петръ наблюдалъ движенія Шведовъ и созидалъ основаніе для утвержденія величія державы Руской; или разваливаю-

---

тасій и Никифоръ Патріархъ: — Византійскіе Историки.

щіяся торжественныя врата, въ которыя въѣзжала путешествовавшая въ нѣдра влядѣній своихъ ЕКАТЕРИНА; или наконецъ древній Спасскій монастырь, въ которомъ образовались и усовершились буйные замыслы мятежнаго Гришки Отрепьева.

Я съ нетерпѣніемъ порывался и искалъ случая взглянуть на хранящіяся здѣсь и теперь (какъ меня увѣряли) собственноручныя письма сего злодѣя; но къ досадѣ и сожалѣнію ничего не видалъ.

ПИСЬМО 48.

Новгородъ Сѣверскій.

Красоты природы, гласящія славу Творца, оставались единственнымъ утѣшеніемъ пустынниковъ. Отрекаясь отъ свѣта, они не всегда отрекалися отъ прекрасной вселен-

ной, и въ устройствѣ ея, въ разнообразіи, въ прелестяхъ еще болѣе научались познавать могущество Существа, все сотворшаго. Удаляясь отъ людей, они часто избирали такія мѣста, гдѣ, будучи поражаемы величествомъ и красотою всего ихъ окружающаго, съ большею живостію славословили благаго Создателя.

Такъ думалъ я, будучи сегодня въ Преображенскомъ монастырѣ, построенномъ, подобно большей части монашескихъ обителей, на прекрасномъ мѣстѣ.

Слѣды Великой Екатерины, посѣтившей Новгородъ Сѣверскій, во время путешествія своего въ полуденную Россію, долго не изгладятся. Храмъ сей долго будетъ возвѣщать краснорѣчивое присутствіе Ея въ немъ.

Первокласный монастырь Преображенія, основанный въ XII вѣкѣ (*) и нѣсколько разъ разоренной, былъ наконецъ Ея мановеніемъ возобновленъ къ украшенію города здѣшняго.

Не буду описывать тебѣ валовъ и укрѣпленій, которые здѣсь нѣкогда существовали, и коихъ остатки теперь видны на горахъ окружающихъ Новгородъ Сѣверскій.

Въ Малороссіи ихъ безчисленное множество, но мы ничего достовѣрнаго объ нихъ незнаемъ. Время и невѣжество сокрыли отъ насъ извѣстія.

(*) Древность его была не извѣстна; но камень, найденный въ концѣ 17 столѣтія при перестройкѣ, показалъ что основателями его были Князья Новгородъ — Сѣверскіе: Изьяславъ и Владиміръ Давыдовичи.

Здѣсь довольно обширная и хорошая гимназія.

ПИСЬМО 49.

Глуховъ.

Глуховъ очень древенъ (*) и знаменитъ какъ удѣльнымъ Княженіемъ, носившимъ его имя, такъ и бывшею въ немъ Коллегіею, которая управляла Малороссіею.

Строеніе его, въ сравненіи съ другими Малороссійскими уѣздными городами, хорошо. Онъ окруженъ земляным валомъ и имѣетъ 4 предмѣстія, въ которыя открываютъ входъ большіе каменные воротцы.

Кромѣ многихъ стекляныхъ, мыловаренныхъ, пивоваренныхъ и

(*) Нестора лѣтописецъ по Кенигсберскому списку упоминаетъ о немъ въ 12 вѣкѣ.

винокуренныхъ, находящихся въ повѣтѣ его заводовъ, онъ славенъ Шостенскимъ порохомъ и фарфоровою глиною, въ 10 верстахъ отъ города близъ села *Полошекъ* находящеюся. Она покрываетъ землю въ иныхъ мѣстахъ на 2 и 2 ½ фута; а въ нѣкоторыхъ еще болѣе. Она чиста, бѣла и хотя смѣшана съ охрою, но чрезвычайно хороша въ работѣ.

До сего времени можно сказать, что она составляетъ единственной источникъ, изъ коего выдѣлывается фарфоръ на Петербургской, Московской и Подольской фабрикахъ.

ПИСЬМО 50.

Глуховъ.

Наконецъ, проживъ въ Малороссіи нѣсколько мѣсяцевъ и осмотрѣвъ достопримѣчательности оной, я ее оставляю.

Вотъ послѣднія объ ней извѣстія, вотъ послѣднія замѣчанія мною въ ней сдѣланныя!

Она имѣетъ всѣ свойства умѣренной и теплой полосы Россіи, но свойства сіи не вездѣ равно даны ей. Неодинаковость мѣстоположенія, различное раствореніе воздуха и разность въ почвѣ земли на пространствѣ 8,800,000 десятинъ, въ ней заключающихся, производятъ многія мѣстныя отличія.

Раздѣленіе Малороссіи на Черниговскую и Полтавскую Губернію, кажется, сообразно природѣ. Лѣсистое и песчаное мѣстоположеніе первой, плодородіе безлѣсныхъ полей и тучныхъ пажитей второй, составляютъ уже довольно отличія; но оно еще увеличивается большею суровостію климата одной изъ сихъ областей, ближе къ Сѣверу лежащей и умѣренностію другой, къ южнымъ странамъ ближайшей.

Полтавская Губернія теплѣе Черниговской. Зима въ ней непродолжительна, и хотя сопровождается изрѣдка довольно сильными морозами, но скоро изчезаетъ. Окончаніе Февраля или начало Марта приноситъ съ собою весну, — и стада показываются въ полѣ, луга покрываются полою водою, на степяхъ синѣютъ подснѣжники. Въ первыхъ дняхъ Апрѣля появляется большая часть полевыхъ цвѣточковъ; половину онаго возвѣщаютъ распус-

кающіяся деревья. Лѣто бываетъ жаркое.

Черниговская Губернія, ближайшая къ Сѣверу и покрытая лѣсами, болѣе подвержена холоду. Жители ея позднѣе начинаютъ наслаждаться прелестями весны; однакожъ въ ней, особливо на нѣкоторыхъ песчаныхъ мѣстахъ, чувствуютъ чрезмѣрно палящій жаръ въ лѣтніе дни. Осень бываетъ пріятна.

Почва земли въ Малороссіи неодинакова. Полтавская Губернія большею частію черноземная, а Черниговская песчана и смѣшана съ глиною. Первая мало имѣетъ лѣсовъ, и недостатокъ сей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ столь ощутителенъ, что поселяне принуждены жить въ мазанкахъ и топить соломою. Впрая же такъ богата симъ произведеніемъ природы, (а особливо въ полосѣ,

между Днѣпромъ, Бѣседью и Десною лежащей), что жители ея за собственнымъ продовольствіемъ много отпускаютъ онаго въ другія мѣста. Они не токмо часто оставляютъ въ лѣсѣ срубленныя (не рѣдко болѣе двадцати и тридцати аршинъ длиною) деревья; но иногда сожигаютъ растущія на корняхъ, дабы очистить мѣсто для хлѣбопашества.

Въ Полтавской Губерніи труды земледѣльцовъ благодарны. Нимало неудобренная ими земля отъ природы плодоносна и щедро награждаетъ попеченія ихъ тучными колосьями ржи, пшеницы, овса, проса, ячменя, гречихи и другихъ произведеній. Хлѣбопашество очень важно въ ней; но количество собираемаго ежегодно хлѣба, по множеству жителей и большому числу ви-

нокуренныхъ заводовъ, оставляетъ незначительной избытокъ для вывоза въ другія Губерніи.

Лѣса, покрывающіе Черниговскую Губернію и песчаное свойство земли дѣлаютъ оную малоплодородною, особливо потому, что пески перемѣняютъ ежегодно мѣста свои, и жители принуждены огораживать поля для спасенія отъ нихъ. Унавоживаніе имъ мало извѣстно. Главнѣйшую промышленность ихъ составляетъ пенька, которою отправляютъ они важный торгъ съ гаванями Балтійскаго моря.

Въ южныхъ странахъ Малороссіи на свободномъ воздухѣ зрѣютъ Испанскія вишни, спѣетъ шелковица и грецкіе орѣхи, растутъ кашпаны и виноградъ, которыхъ плоды, также иногда созрѣваютъ; но всѣ сіи деревья въ

маломъ количествѣ. Большею частію сады наполнены яблоками, сливами, грушами, которыя или высушиваются, или употребляются на наливки, съ отличнымъ искуствомъ здѣсь приготовляемыя. Ежели вы хотите пить прекрасную вишневку, терновку, сливянку, яблоновку, малиновку, то пріѣзжайте сюда.

Скотоводство очень важно въ Малороссіи. Тучныя пажити, покрытыя высокою, густою травою, и барда, остающаяся на винокуренныхъ заводахъ, способствуютъ сему любимому занятію здѣшнихъ жителей.

Разводимую ими скотину составляютъ: быки, овцы и свиньи. Первые замѣняютъ мѣсто лошадей для отправленія домашнихъ работъ, или отправляются на продажу во внутренность Россіи

Вторыя, состоящія большею частію изъ Черкаскихъ, изъ Силезкихъ смѣшанныхъ съ Испанскими, изъ Решетиловскихъ и изъ Крымскихъ, доставляютъ важные доходы отъ шерсти своей и отъ мерлужекъ. Третьи, въ большемъ количествѣ выкармливаемыя, особливо въ Черниговской Губерніи, продаются.

Конскихъ заводовъ въ Малороссіи очень много. Нѣкоторые изъ нихъ извѣстны въ отдаленныхъ мѣстахъ Россіи.

Природа, благопріятствующая пчеловодству, дѣлаетъ его здѣсь важнымъ занятіемъ. Число ульевъ, какъ мнѣ сказывали, простирается въ Малороссіи болѣе нежели до 500,000.

Малороссія пользуется свободою винокуренія; потому въ ней число винокуренныхъ заводовъ очень велико.

Ихъ считаютъ около 3000. Черниговская Губернія, которая въ теперешнемъ изобиліи нечувствуетъ сколь драгоцѣненъ лѣсъ, множествомъ оныхъ отличается во всей Россіи.

Что касается до селитроваренія, то объ онемъ можно судить по множеству вездѣ насыпанныхъ длинныхъ кучь земли, очень часто встрѣчающихся проѣзжему около селъ. Это бурты, въ которыхъ спѣетъ земля, приготовленная для выварки селитры. Въ Черниговской Губерніи довольно таковыхъ заводовъ, но въ Полтавской еще болѣе.

Прочія фабрики и заводы немногочисленны.

Жители Малороссіи, кромѣ природныхъ Малороссіянъ, состоятъ изъ Грековъ, Жидовъ, Армянъ и Нѣм-

цовъ. Число ихъ простирается до 3,000,000.

Торговля, Малороссіею производимая маловажна, и состоитъ большею частію во внутреннемъ торгѣ на ярмаркахъ, которыхъ здѣсь въ каждомъ городѣ и даже селеніи ежегодно бываетъ по 3 по 4, а иногда болѣе.

Что касается до внѣшней торговли Малороссіи, оная производится овцами, рогатымъ скотомъ, лошадьми, сырыми кожами, мерлужками, овчинами, виномъ, хлѣбомъ, пенькою, медомъ, воскомъ, саломъ, холстомъ, табакомъ, канатами, веревками, коноплянымъ масломъ, солониною, щетиною, поташемъ, дегтемъ и другими произведеніями отправляемыми отсюда въ Германію, въ Польшу, Пруссію, Силезію, Молдавію, Валахію, или чрезъ гавани Чер-

наго моря въ Турцію, Испанію и Италію.

Съ перваго взгляда кажется, что Малороссія, богатая различными произведеніями природы и орошаемая Днѣпромъ, въ которой впадаетъ много судоходныхъ рѣкъ, должна производить очень значительныя, обширныя и выгодныя торговыя сношенія. Но на самомъ дѣлѣ видимъ, что онѣ невелики, и немогутъ быть распространены по причинѣ препятствій, самою природою противуполагаемыхъ.

Днѣпръ, протекающій Смоленскую, Могилевскую, Черниговскую, Кіевскую, Полтавскую, Екатеринославскую, Херсонскую, и Таврическую Губернію; *Припеть* и *Березина* доставляющія изъ окрестностей Минска, Борисова и Мозыря брусья, смолу, желѣзо, деготь и поташъ;

Десна, судоходная болѣе нежели на 700 верстъ и текущая черезъ мѣста, разнообразными произведеніями изобильныя; впадающей въ нее *Сеймъ*; также *Сожа*, *Псёлъ*, *Ворскла*, *Самара*, *Сула*: — всѣ сіи рѣки кажется должны споспѣшествовать торговли Малороссіи и дѣлать ее посредницею сношеній между Сѣверными Губерніями Россійскими и гаванями Чернаго моря. Но сколько причинъ отнимающихъ у жителей здѣшнихъ сію выгоду? Какъ преодолѣть столь опасные для судоходства пороги Днѣпровскіе, отъ устья Суры начинающіеся и продолжающіеся на 60 верстъ? Чемъ уничтожить песчаныя мѣли, около Кіева и Кременчуга ежегодно перемѣняющія мѣста свои? Наконецъ какъ миновать острова и мѣлкія, въ иныхъ мѣстахъ неболѣе 2 аршинъ имѣющія глуби-

ны устья, которыми Лиманъ изливается въ Черное море?

Сравните же теперь нынѣшнюю торговлю съ тою, которую отдаленные предки наши производили по Днѣпру не только съ Греками, Готѳами, Болгарами, Уграми и другими сосѣдственными неродами, но съ Римлянами, Венеціанами, Генуэзцами, Египтянами и жителями отдаленной отъ нихъ Сиріи (*).

Я уже не буду говорить о торговыхъ сношеніяхъ Европейскихъ Азіатскихъ и Африканскихъ купцовъ, стекавшихся къ устью Днѣпра въ знаменитый городъ Борисѳенъ, которой былъ описанъ Геродотомъ, Іоанномъ Златоустымъ,

(*) Констант. Порфирородный. Исторія. Рос. Татищева и Стриттера. Ролень. Также истор. Россійск. Комерціи Чулкова.

Спрабономъ и Полибіемъ. Тысящелѣтія отдѣляютъ насъ отъ сихъ временъ. Мрачная завѣса невѣжества скрываетъ ихъ отъ нашихъ глазъ. Ограничиваю себя временами болѣе намъ извѣстными, разсматриваю малую Россію подъ владычествомъ великихъ Князей, и вижу что торговля ея нынѣшняя не имѣетъ тѣни той, которую производила она въ царствованіе Владиміра или Ярослава и о которой Византійскіе историки оставили намъ многія извѣстія.

Названіе *Рускаго* (*) моря, данное нынѣшнему Черному, еще болѣе увѣряетъ, что предки наши имѣли важныя торговыя сношенія съ другими народами по Днѣпру.

(*) Несторъ и Müllers Samlung Russischer Geschichte.

Многія причины какъ естественныя, такъ и политическія споспѣшествовали тому.

Самый Днѣпръ тогда не представлялъ промышленникамъ тѣхъ затрудненій, которыя встрѣчаются теперь. Число пороговъ его, по вычисленію Константина Порфиророднаго, простиралось только до 7; нотеперь увеличилось до 15.

Вы видите, что самая природа благопріятствовала торговлѣ предковъ нашихъ болѣе, нежели намъ. Мы силимся побѣдить ее искуствомъ, но покушенія наши не совсемъ удачны. Однакожъ есть надежда, что разчищеніе пороговъ, предпринятое правительствомъ, принесетъ пользу торговлѣ Чернаго моря.

Ежели усилія рукъ человѣческихъ совершенно побѣдятъ всѣ

естественныя препятствія, затрудняющія судоходство Днѣпровское; то Россія можетъ получить изъ того такія выгоды, которыхъ и не ожидаетъ.

Малороссія въ особенности испытаетъ вліяніе сего благодѣтельнаго предпріятія потому, что содѣлается посредницею всей торговли нашей съ южными Европейскими Государствами и Азіею. Усовершенствованіе всѣхъ занятій, богатство и возбужденная дѣятельность народа здѣшняго будутъ первыми признаками сей пользы.

Прощаюсь съ Малороссіею, бросаю перо и ѣду.